

бавить следующее: церковнославянизм *сословие* вошел в состав правительственного языка только на рубеже веков. Хотя оно было расхожим словом уже в начале XVIII столетия в переводах и в религиозном дискурсе, в рассматриваемых здесь проектах оно не употреблялось. В качестве термина, описывающего общество, *сословие* получило свое развитие во второй половине XVIII века, применяясь параллельно со словом *общество*⁹⁷. В отличие от других социальных терминов, рассмотренных в статье, *сословие* так никогда и не стало составной частью формулы статуса в правительственном языке⁹⁸. В то время как *чин* определял ранг индивида внутри единого социального порядка, у *сословия* доминирующим оставалось его основное значение — «собрание людей». Это стало решающим моментом для его «расцвета» в XIX веке, когда свое распространение получили в том числе и такие выражения, как *третье сословие* и *среднее сословие*⁹⁹.

Следует согласиться с М. Конфино, который писал, что «одним (едва ли не единственным), значением понятия *сословие* является, несомненно, „социальная группа“ — одна из многих, существовавших в одно и то же время в России той эпохи»¹⁰⁰. Во всяком случае, с одним существенным ограничением: в понятие *сословие*, в отличие от других терминов, обозначавших социальные общности, были заложены значения «корпорации» и «собрания людей», которые, даже если и не получили воплощения, тем не менее могли быть актуализированы и востребованы.

(Пер. с нем. Майи Борисовны Лавринович)

⁹⁷ Schierle I. Zur politisch-sozialen Begriffssprache der Regierung Katharinas II. Gesellschaft und Gesellschaften: Obščestvo // Scharf C. (Hrsg.) Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung. Mainz, 2001. S. 275—306.

⁹⁸ Об этой существенной разнице не упоминается в статье: Schmidt Ch. Über die Bezeichnung der Stände (sostojanie — soslovie) in Rußland seit dem 18. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1990. Bd. 38. S. 199—211.

⁹⁹ Третий чин, среднее состояние, третье состояние также были в употреблении. О понятии *средний класс* см. статью М.Б. Велижева в настоящем сборнике.

¹⁰⁰ Confino. M. The Soslovie (Estate) Paradigm. Reflections on some open questions // Cahiers du Monde russe. 2008. Vol. 49. P. 681—700, here 687.

Михаил Брониславович Велижев

Цивилизация и средний класс*

Понятие *цивилизация* относится к группе терминов, конституирующих российское общественное сознание. *Цивилизация* всегда задает специфический взгляд на социальное, политическое и культурное развитие России — служит для самоопределения по отношению к «Другому», прежде всего западному миру, традиционному носителю *цивилизации*. Европейская история понятия, возникшего в середине XVIII столетия, обозначавшего вершину человеческой истории и одновременно служившего важнейшей автоописательной характеристикой, исследована достаточно подробно. Тем более удивительным выглядит следующее обстоятельство: в одном из своих неопубликованных франкоязычных сочинений конца 1820-х годов будущий министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров, сыгравший, как мы покажем, существенную роль в распространении понятия *цивилизация* в России, наделяет *civilisation* социокультурными смыслами, редко попадавшими в поле зрения историков. Уваров усмотрел прямую связь между *цивилизацией* и *третьим сословием*, средним классом, отсутствие которого в России волнует власть и общество, начиная с царствования Екатерины II и до сих пор. Уваровская интерпретация термина в сочетании с особой ситуацией в сфере образования предопределила особое, как нам представляется, восприятие в России *цивилизации* и стоящего за ней набора социальных, культурных, политических и экономических признаков. Настоящая работа ставит перед собой цель реконструировать контекст одного из значений этого сложного и полисемантического понятия.

* Я искренне признателен М.Д. Долбилову, С.Н. Зенкину, С.Л. Козлову, Н.Н. Мазур и Д.А. Сдвижкову за ценные советы и замечания. Сокращенный вариант статьи был опубликован в «Новом литературном обозрении» (2010. № 104).

Цивилизация или *civilisation*?

Вплоть до середины XIX века русский образованный дворянин, рассуждавший о развитии мировой истории, по-видимому, решительно не испытывал потребности в переводе французского слова *civilisation* (или его англо— и немецкоязычных эквивалентов) на русский язык. Билингвизм культурной элиты усугублялся почти тотальным доминированием французского языка в области философии и политической публицистики и плохой разработанностью местного гуманитарного понятийного аппарата. Понятие *цивилизация* как французское *civilisation* распространяется в русской культуре почти синхронно с аналогичным процессом в Европе — к концу XVIII века. Так, Николай Михайлович Карамзин трижды использовал *civilisation* в своей франкоязычной статье *Письмо в «Зритель» о русской литературе* («Lettre au Spectateur sur la littérature russe»), напечатанное в гамбургском журнале *Le Spectateur* (1797). Карамзин рассказывал европейской публике о *Письмах русского путешественника* и избирательно цитировал собственное творение: в этих фрагментах и появлялось интересующее нас слово.

«L'histoire de Paris, dit-il ensuite, est celle de la France et de la civilisation». Il la parcourt rapidement, mais tâche de saisir tous les traits caractéristiques, et finit par dire: «La nation française a donc passé par tous les degrés de la civilisation pour arriver au point où elle se trouve actuellement.» [...] J'ai vu les premières nations de l'Europe, leurs moeurs, leurs usages et ces nuances de caractère, qui resultent du climat, des différents degrés de civilisation et surtout de la forme du gouvernement...¹

Цивилизация, как и в европейских языках, у Карамзина обозначала, с одной стороны, ступенчатый процесс смягчения нравов и развития утонченности, а с другой — итог, степень просвещения. Характерно, впрочем, что элементы французского текста *Писем*, где упоминалась *civilisation*, не имели параллели в русскоязычном

¹ В переводе Ю.М. Лотмана: «История Парижа, — говорит он в заключение, — это история Франции и история цивилизации». Бегло набрасывает он историю Парижа, стараясь однако, схватить все характерное, и кончает словами: «Французский народ прошел через все степени цивилизации, чтобы оказаться на той вершине, на которой он находится в настоящее время». [...] Я видел главные народы Европы, их нравы, обычаи, оттенки характеров, происходящие от разницы климатов, степени просвещения и, в особенности, формы правления...» (*Карамзин Н.М. Письма русского путешественника*. Л., 1984. С. 453, 456, 460, 462).

оригинале. В письме к Екатерине Андреевне Карамзиной от 7 и 8 февраля 1816 года находившийся в Петербурге Карамзин именно на французском языке объяснял супруге разницу между двумя русскими столицами: «Il n'y a pas de doute que la civilisation a fait plus de progrès ici qu'à Moscou» («Нет сомнений, что цивилизация здесь продвинулась далее, чем в Москве»)². *Civilisation* часто фигурировала во франкоязычных текстах Сергея Семеновича Уварова, Александра Сергеевича Пушкина, Петра Яковлевича Чаадаева³, занима-

² Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 142.

³ Подробнее см.: *Kissel F.S. Im Zeichen der Ambivalenz: Zur Geschichte des russischen Begriffs «civilizacija» im frühen 19. Jahrhundert* // Thiergen P. (Hrsg.) *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat*. Köln, 2006. S. 189—202; *Evluhov C. Guizot in Russia* // *The Cultural Gradient: the Transmission of Ideas in Europe, 1789—1991*. Boston; Oxford, 2003. P. 55—72. Например, Чаадаев в первом «Философическом письме» охотно пользовался словом *civilisation*: «C'est une des choses les plus déplorables de notre singulière civilisation, que les vérités les plus triviales ailleurs, et même chez les peuples bien moins avancés que nous sous certains rapports, nous sommes encore à les découvrir»; «...chez nous, les classes supérieures mêmes, chose bien douloureuse à dire, ne sont pas exemptes des vices qui n'appartiennent ailleurs qu'aux toutes dernières; ils n'ont pas vu enfin que, si nous avons quelques-unes des vertus des peuples jeunes et peu avancés dans la civilisation, nous n'en avons aucune de celles des peuples mûrs et jouissant d'une haute culture»; «Voyez ces peuples du Nord de l'Amérique, que la civilisation matérielle des états-Unis est si occupée à détruire: il y a parmi eux des hommes admirables de profondeur», «Et pourtant, situés entre les deux grandes divisions du monde, entre l'Orient et l'Occident, nous appuyant d'un coude sur la Chine et de l'autre sur l'Allemagne, nous devrions réunir en nous les deux grands principes de la nature intelligente, l'imagination et la raison, et joindre dans notre civilisation les histoires du globe entier», «Une fois, un grand homme voulut nous civiliser et, pour nous donner l'avant-goût des lumières, il nous jeta le manteau de la civilisation: nous ramassâmes le manteau, mais nous ne touchâmes point à la civilisation»; «Tandis que du sein de la lutte entre la barbarie énergique des peuples du Nord et la haute pensée de la religion s'élevait l'édifice de la civilisation moderne, que faisons-nous?»; «Croyez-vous que ce soit le christianisme des Abyssins et la civilisation des Japonais qui amèneront cet ordre de choses dont je viens de parler tout à l'heure, et qui est la destinée dernière de l'espèce humaine?»; «De cette manière s'expliquent le phénomène de la société moderne et sa civilisation: autrement, on n'y comprendrait rien» (в переводе Д.И. Шаховского: «Одна из самых печальных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, в некоторых отношениях более нас отсталых»; «именно вследствие такой ленивой отваги даже и высшие классы — как ни тяжело, а приходится признать это — не свободны от пороков, которые у других свойственны только классам самым низшим; они, наконец, не заметили, что если мы обладаем некоторыми достоинствами народов молодых и здоровых, то мы не имеем ни одного,

ла важное место в труде Николая Ивановича Тургенева *La Russie et les Russes (Россия и русские, 1847)*, относительно рано появилась в заглавиях книг: *De la civilisation des Tatars-Nogais dans le midi de la Russie européenne* харьковского профессора Антона Антоновича Дегурова (Дю Гура) (*О цивилизации ногайских татар на юге Европейской России, 1816*), *La civilisation et la Russie* Адама Гуровского (*Цивилизация и Россия, 1839*), *Histoire de la civilisation en Russie* Николая Арсениевича Жеребцова (*Об истории цивилизации в России, 1858*) и др.⁴

Билингвизм образованной элиты следует рассматривать в социальном контексте употребления слов и понятий⁵. Значительный сег-

отличающего народы зрелые и высококультурные»; «Взгляните на племена Северной Америки, которые искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов: среди них имеются люди, удивительные по глубине»; «А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим — на Германию, мы бы должны были сочетать в себе две великие основы духовной природы — воображение и разум и объединить в своем просвещении исторические судьбы всего земного шара»; «Когда-то великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись»; «В то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы?»; «Но разве вы думаете, что христианство абиссинцев и цивилизация японцев водворяет тот строй, о котором я только что говорил и который составляет конечное назначение человеческого рода?»; «Только так объясняется исключительное явление нового общества и его цивилизации; иначе в нем ничего нельзя было бы понять». — *Чаадаев П.Я. Избр. тр. / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. М.Б. Велижева. М., 2010. С. 57, 63, 64, 65, 67, 68, 166, 171, 172, 173, 175—176, 177.*

⁴ Особый интерес, несомненно, представляет пресса на иностранных языках, выходившая в России. Однако эта тема должна составить предмет специального исследования.

⁵ Квентин Скиннер в одном из своих писем к Мелвину Рихтеру (*Richter M. The History of Political and Social Concepts. A Critical Introduction. New York: Oxford, 1995. P. 134*) заметил, что понятия неотделимы от терминологии, которой они выражаются. Понятно, что при некалькированном переводе одно «понятие» или «слово» часто оказывается транслировано с помощью других «понятий» и «слов». Таким образом, возникает смысловой зазор между исходным и переводным понятиями. Давно определено, что социальная действительность не совпадает с историей ее языковой артикуляции (*Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX веков. СПб., 2006. С. 51*). Темпы изменения социальной структуры и динамическая трансформация связанных с ними понятий могут различаться между собой так, что понятие может выступать в качестве

мент русского публичного пространства состоял из институций (*areas of sociability*), не предусматривавших широкого распространения письменных (и тем более печатных) текстов и ориентированных на устное салонное, «неподцензурное» высказывание. Кроме того, начиная с первой половины 1820-х годов российские власти стали особенно жестко использовать механизм цензуры для мониторинга, контроля и структурирования зарождавшейся публичной сферы. С одной стороны, это означает, что для истории понятий в России рассматриваемого периода необходим анализ цензурной политики Министерства народного просвещения: только на фоне цензурской правки станет понятен реальный масштаб словоупотребления в русских печатных изданиях. С другой стороны, ужесточение контроля над книгами и периодикой привело к тому, что разговоры о судьбе «русской цивилизации» происходили преимущественно в светских гостиных, велись на французском языке и распространялись в текстах, ходивших по Москве или Петербургу в рукописях.

Перечисленные особенности публичного пространства в России первой половины XIX века, кроме прочего, отчасти обесценивают факт первого употребления термина. Важным оказывается тот момент, когда понятие начинает использоваться систематически. Последнее обстоятельство предопределило выбор источников в настоящей работе: как представляется, наиболее адекватными материалами для наших целей могут служить словари и периодические издания на русском языке. В меньшей степени мы будем использовать частную переписку того времени, прекрасно отдавая себе отчет в том, что частные дворянские письма в ту эпоху становятся неотъемлемым атрибутом общественной жизни, читаются вслух, переписываются и т.д.

История понятия в европейских языках

Слово *цивилизация* (как неюридический термин) возникает в европейских языках в эпоху позднего Просвещения⁶. Согласно

конструктивного элемента в процессе становления социальной структуры и наоборот. Семантические сдвиги, происходящие при переводе терминологии социальной реальности на другой язык, станут одним из объектов изучения в настоящей статье.

⁶ Понятию *цивилизация* в европейских языках посвящено много содержательных работ. Библиографию см.: *Reichardt R. (Hrsg.) Handbuch politisch-*

общепринятой точке зрения, впервые его начинает использовать во французском языке Виктор Рикети Мирабо-отец — начиная с 1756 года⁷. Впервые это слово входит в словари французского языка в 1771 году⁸. Жан Старобинский убедительно показал, что уже при своем возникновении в работах Мирабо (грамматическом образовании нового существительного из бытовавшего прежде существительного *civilité*, глагола *civiliser* и соответствующего причастия⁹) *civilisation* заключала в себе множество разных значений. Старобинский так характеризует это понятие:

Синтетическое обозначение для уже ранее бытовавшего понятия, формулировавшегося многообразными способами: «смягчение нравов», «образование умов», «развитие учтивости», «изучение искусств и наук», «подъем торговли и промышленности», «обретение материальных искусств и роскоши». Для отдельных индивидов, для народов и человечества в целом оно обозначало, во-первых, процесс превращения их в *цивилизированных* (термин, существовавший ранее), а во-вторых, совокупный результат этого процесса¹⁰.

Почти одновременно слово *civilization* входит в словарь экономических работ Адама Фергюсона, а затем становится важным элементом языка философов шотландской школы, связывавших *цивилизацию* прежде всего с развитием промышленности и торговли¹¹.

sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680—1820. Heft 8. München, 1988; Fisch J. Zivilisation, Kultur // Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hrsg.) Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1992. Bd. 7. S. 679—774; Бенвенист Э. Цивилизация. К истории слова // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002. С. 445; Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. М., 2002. Т. 1. С. 110 (впервые в 1989 году).

⁷ Reichardt R. (Hrsg.) Handbuch. S. 18; Бенвенист Э. Цивилизация. С. 387—388; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 116.

⁸ Там же. С. 111.

⁹ Подробнее об употреблении слов *civilité* и *civiliser*, а также синонимичных им понятий см.: Reichardt R. (Hrsg.) Handbuch. S. 18; Бенвенист Э. Цивилизация. С. 389—390; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 110, 120—125; Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 251—255.

¹⁰ Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 113 (курсив автора).

¹¹ Бенвенист Э. Цивилизация. С. 394—396; Февр Л. Цивилизация. С. 260; Woolf S. French Civilization and Ethnicity in the Napoleonic Empire // Past and Present. 1989. № 124. P. 96—97; Ренев Е.Г. Концепция цивилизации в философии истории шотландского просвещения // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2. С. 226—228.

В Германии слово *Zivilisation/Civilisation* начинает распространяться начиная с 1770-х годов (первое зафиксированное упоминание относится к 1777 году¹²; в переносном смысле появляется в словарях в 1795 году¹³).

Не имея возможности входить в подробности исторического генезиса понятия *цивилизация* в европейских языках XVIII века, отметим две важные в контексте данной статьи его особенности. Во-первых, *цивилизация* в английском языке была тесно связана с идеей разумного экономического развития, которое стимулирует смягчение нравов и способствует просвещению. То же значение было свойственно и истории французского слова *civilisation*, прежде всего в трудах физиократов¹⁴, понимавших под *цивилизацией* прогресс в земледелии и промышленности, освобождавший человека от социальной и экономической зависимости. Последняя деталь важна в контексте взаимоотношений *цивилизации* и России: характерно, что в трудах Дени Дидро, Поля Анри Гольбаха, Гийома Томаса Франсуа Рейналя обсуждение *цивилизации* часто увязывалось с историческими оценками деятельности Петра I и проблематикой культурного «преображения» России в начале XVIII века, стремительной трансформацией из варварского состояния в цивилизованное¹⁵. Так, Дидро написал для *Истории двух Индий* аббата Рейналя (1775) главу под названием *Sur la civilisation de Russie*, которая на грамматическом уровне свидетельствовала о возможности «русской цивилизации», а на смысловом — ставила под сомнение успехи *цивилизации* в России, прежде всего из-за существовавшей там крепостной зависимости крестьян¹⁶.

Во-вторых, в немецком языке глубокое различие возникает между терминами *цивилизация* (*Zivilisation/Civilisation*), *культура* (*Kultur*) и *образование* (*Bildung*)¹⁷ (при этом сохранялась и традиция употребления *цивилизации* и *культуры* как синонимичных понятий¹⁸). Окончательно дифференциация происходит в начале 1830-х годов, что, в частности, фиксируется в употреблении поня-

¹² Fisch J. Zivilisation. S. 723.

¹³ Ibid. S. 737.

¹⁴ Февр Л. Цивилизация. С. 160; Reichardt R. (Hrsg.) Handbuch. S. 18.

¹⁵ Февр Л. Цивилизация. С. 244; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 113.

¹⁶ Там же. С. 113.

¹⁷ Fisch J. Zivilisation. S. 720.

¹⁸ Ibid. S. 723, 727; Dampierre E. de. Note sur «Culture» et «Civilisation» // Comparative Studies in Society and History. 1961. Vol. 3. № 3. P. 336.

тия Вильгельмом фон Гумбольдтом¹⁹. Как отмечал Норберт Элиас, понятие *цивилизация* используется по-разному, с одной стороны, французами и англичанами, а с другой — немцами. Для немцев оно являлось ценностью второго порядка, связанной прежде всего с внешней стороной жизни. Если во французском и английском языках *цивилизация* обозначала совокупность политических, хозяйственных, религиозных, технических, моральных и социальных фактов, то немецкое понятие *культура* — лишь духовные, художественные и религиозные факты и достижения, свойственные исключительно немцам, в противопоставлении материальной, «внешней» *цивилизации*. Таким образом, заключал Элиас, понятие *цивилизация* снимало национальные различия, между тем как *культура*, наоборот, подчеркивала их²⁰.

Во время Французской революции слово *цивилизация* использовалось относительно нечасто, поскольку воплощало в себе идею процессуальности, а не радикального слома, однако в 1790-е годы обрело ореол сакральности, стало символизировать новый после-революционный порядок²¹. По наблюдениям Люсьена Февра, слово *цивилизация* во французском языке во множественном числе впервые употребил Пьер-Симон Балланш в 1819 году²², хотя идея разнообразия *цивилизаций* циркулировала среди европейских философов и прежде. Уже в XIX века возникает и представление о том, что жизненный цикл *цивилизации* конечен, она может «умереть»²³. В эпоху Реставрации во Франции ощутил интерес к разработанным теориям *цивилизации* (в частности, к трудам Джамбаттиста Вико, Иоганна Гердера²⁴), который увенчался созданием в 1828—1829 годах масштабной концепции *цивилизации* Франсуа Гизо. Гизо попытался связать воедино два элемента *цивилизации* —

¹⁹ Fisch J. Zivilisation. S. 727—728.

²⁰ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М., 2001. Т. 1. С. 59—60. Подробнее см.: Fisch J. Zivilisation. S. 738; Февр Л. Цивилизация. С. 275—277; Dampierre E. de. Note; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 141.

²¹ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 106; Reichardt R. (Hrsg.) Handbuch. S. 21. Об использовании понятия *civilisation* в наполеоновской Франции для «культурной легитимации европейского империализма» см.: Woolf S. French Civilization.

²² Февр Л. Цивилизация. С. 262.

²³ Там же. С. 265—269. Февр связывал указанные семантические изменения с влиянием предшествующего парадигматического сдвига в естественных науках.

²⁴ Там же. С. 270—271; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 131.

уровни социального и интеллектуального развития общества и человека²⁵. Конфигурация двух неразрывно связанных между собой элементов и определяла основные характеристики *цивилизаций* той или иной европейской страны. Наиболее сбалансированной цивилизационной системой, по мнению Гизо, обладала именно Франция²⁶. Основной заслугой Гизо Л. Февр и Ж. Старобинский считали введение в общественный оборот тезиса, согласно которому прогресс духовной и материальной жизни народа оказывался непосредственным образом взаимосвязан, что позволило французам избежать разделения понятия *цивилизация* на материальную *цивилизацию* и интеллектуальную *культуру* подобно тому, как это случилось в Германии²⁷.

История понятия в русском языке

Установлено, что понятие *цивилизация* входит в русский язык в 1830-е годы и окончательно утверждается к концу 1860-х годов, свидетельство чему — книга Николая Яковлевича Данилевского *Россия и Европа* (1869), в основание которой положено достаточно четко артикулированное представление о мировых *цивилизациях* как политических, социальных, экономических и культурных единствах²⁸. Словари русского языка (прежде всего, словари заимствований) фиксируют слово *цивилизация* с 1861 года²⁹. Так, *Полный словарь иностранных слов, по образцу немецкого словаря Гейзе* (1861) приводил следующие значения анализируемого слова и его дериватов: «Цивилизация, лат. Гражданственность, гражданские добродетели, смягчение нравов. Цивилизовать, (от *civis* — *гражда-*

²⁵ Февр Л. Цивилизация. С. 272—273.

²⁶ Там же. С. 274.

²⁷ Там же. С. 287; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 139, 141.

²⁸ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 2. С. 368—369; Асоян Ю.А. Понятие «цивилизация» в России 1830 — 1860-х годов. Доклад на семинаре «История понятий» в РГГУ (19.10.2009) // <http://www.gumchdenia.rggu.ru/article.html?id=113412>; Смена-нов Ю.С. Слова *правда* и *цивилизация* в русском языке (К вопросу о методе в семантике языка и культуры) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 31, вып. 2. 1972. С. 165—175; Kissel F.S. Im Zeichen der Ambivalenz. О понятии *цивилизация* в языке западников и славянофилов середины XIX века см., например: Siljak A. Between East and West: Hegel and the Origins of the Russian Dilemma // Journal of the History of Ideas. 2001. Vol. 62. P. 335—358.

²⁹ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь. С. 368—369.

нин), *лат.* Делать гражданином, укрощать, смягчать нравы. Цивильный, *лат.* частный, гражданский»³⁰. Схожие определения, строящиеся вокруг термина *гражданственность*, находим и в *Толковом словаре живого великорусского языка* Владимира Ивановича Даля: «Цивилизация ж. общежитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина. — *звать народ*, обратиться из дикого, грубого быта в гражданственный»³¹.

Гражданственность, подобно европейским значениям слова *цивилизация*, толковалась главным образом как антоним «варварству», «дикости» и связывалась внутри своего семантического ореола с городской культурой. Смысловое единство города и *цивилизации* как набора экономических, социальных, культурных и политических (а не сугубо географических) практик стало фиксироваться в русских словарях лишь в XIX веке. Второй том *Словаря Академии Российской* (1790) не акцентировал соответствующей параллели: «Гражданин. Городской житель, обитатель. Гражданство. Состояние гражданина. Берется иногда и вместо самих граждан, жителей градских; и в сем знаменовании имя сие есть собирательное»³². Интересно, что специальные профессиональные словари, в которые — исходя из логики европейских языков — было бы вполне логично поместить *цивилизацию* или однокоренные с ней слова (например, словарь купеческой лексики), в России еще в 1830-е годы понятия *цивилизация* не знали³³.

В дальнейшем, наряду с понятием *гражданственность*, в толковых словарях приводился и другой эквивалент *цивилизации* — *образованность*. Например, *Новый словотолкователь. Сорок три тысячи иностранных слов, вошедших в русский язык. Необходимо-*

³⁰ Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, по образцу немецкого словаря Гейзе. СПб., 1861. С. 549.

³¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 574. То же см.: 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. Составил по словарям: Гейзе, Рейфа и других Михельсон. М., 1872. С. 305 (впервые в 1865 году).

³² Словарь Академии Российской. М., 2002. Т. 2: Г—Ж. С. 302—303 (впервые в 1790 году).

³³ Например, словарь 1832 года приводил лишь: «Civilen (Лат.), zu einem civilen Preise, по сходной, умеренной цене»: Словарь немецкой и французской купеческой юриспруденции, с присовокуплением в алфавитном порядке сокращений, употребительных в языках Латинском, Немецком, Французском и Английском, составленный Михайлом Перенго. 3-е изд. М., 1832. С. 26 (цензурное разрешение 24 июня 1830 года).

настолярная книга для всех сословий (1878) давал такие определения: «Цивилизация (*лат.*), от *civis* — гражданин, или *civilis* — гражданский. Гражданственность, развитие народа и такое состояние, где каждый сознает свои права и отношение этих прав к правам и обязанностям общественным. Цивилизовать, (*фр.*) *Civiliser*, *нем.* *Civilisieren* — от *лат.* *civis* — гражданин. Смягчать нравы, давать общественное образование, приготавливать на служение обществу»³⁴. В *Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка* Александра Николаевича Чудинова (1894) *цивилизация* уже напрямую связывалась с *образованностью*: «Цивилизация (*лат.* гражданственность, от *civis* — гражданин). Образованность; сознание человеком своих прав и обязанностей, как гражданина; смягчение нравов»³⁵. Наконец, в начале XX века на смену перечислению эквивалентных *цивилизации* слов приходят синтетические определения. Например, *Словарь иностранных слов и научных терминов* А.Е. Яновского (1905) давал такое толкование: «Цивилизация, *лат.* Совокупность всех тех элементов, кот. создают стройно-организованное гражданское общество»³⁶.

Русские лингвистические словари английского, немецкого и французского языков, как и следовало ожидать, обратились к переводу слова *civilization/Zivilisation/civilization* раньше, чем в начале 1860-х годов. Насколько мы можем судить, первый важный в данном случае словарь³⁷ (посвященный Николаю I по особому докладу С.С. Уварова) вышел в свет в 1835 году — это был *Русско-*

³⁴ Новый словотолкователь. Сорок три тысячи иностранных слов, вошедших в русский язык. Необходимо-настолярная книга для всех сословий. М., 1878. С. 341.

³⁵ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Составлен под редакцией А.Н. Чудинова. СПб., 1894. С. 944.

³⁶ Словарь иностранных слов и научных терминов. Составил А.Е. Яновский. СПб., 1905. С. 750

³⁷ Словари начала XIX века фиксировали лишь юридический смысл слова *цивилизация*, но тем не менее уже увязывали прежде возникшие однокоренные слова с *образованием, просвещением и светской культурой*. См., например: «Civick, adj. гражданской. Civil, adj. городской, гражданской, образованной, воспитанной, учивой. Civil war, междуусобная война. Civilian, s. Доктор гражданских прав, законовед. Civility, s. образованность, вежливость, шегольство. Civilization, s. содействие уголовного дела гражданским. Civilize, v.a. образовывать, просветить. Civilizor, s. образователь, просветитель. Civilly, adv. с учтивостью» (Новой английско-русской словарь, составленной по большому Английско-Французскому Словарю Г. Робинета. Императорского Московского Университета Кандидатом Словесности Николаем Грамматиным. Ч. 1: от А до I. М., 1808. С. 143).

французский словарь Филиппа Рейфа (цензурное разрешение 22 февраля 1835 года). Интересующие нас понятия в русском языке структурировались вокруг слова *город*. Так, прилагательное *гражданский* интерпретировалось целой серией разных и преимущественно внеположных русскому социальному контексту слов, связанных со специфической политической, социальной и правовой ролью горожан во французской истории: «Гражданский, ая, ое, *adj.*, de citoyen, civil, civique, bourgeois, politique; —ское *Право*, droit civil; —ский *суд*, le tribunal civil; —ская *печать*, types modernes d'impression, caractères russes (ainsi appelés pour être distingués de ceux des livres d'église)»³⁸. Наконец, слово *civilisation* переводилось Рейфом как *гражданственность* и ставилось в синонимический ряд со словом *sociabilité*³⁹, то есть вновь смыкалось со специфическим социокультурным французским явлением — связью городской и придворной сфер. Несколько иное значение *civilisation* обретает в переводе слова *общезитие*, обрастая политическими коннотациями: «Общезитие (de *жить*, vivre), *sn.* vie commune, vie sociale, société; *гражданское общезитие*, société civile, civilisation. Общежительность, *sf.* sociabilité»⁴⁰.

³⁸ Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка, удостоенный Императорской Академией наук полной премией Демидова. Составленный Филиппом Рейфом. Т. 1 (А—О). Т. 2 (П—V). СПб., 1835. С. 205. См. также: «Граждански et пограждански, *adv.* civilement, en citoyen; en russe; *не умеет читать ни по-граждански, ни по-церковному*, il ne sait lire ni le russe ni le slavon d'église. Гражданство, *sn.* Bourgeoisie, droit de citoyen; civisme, zèle ou patriotisme du citoyen; bourgeoisie, corps des citoyens. Гражданственный, ая, ое, *adj.*, de droit de citoyen, civique» (Там же).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 637. Заметим, что значение русского слова *гражданский* до начала 1860-х годов, вероятно, семантически во многом совпадало с понятием *цивилизация*, однако не вызывало прямой лингвистической ассоциации. Например, *Словарь церковно-славянского и русского языка* (1847) так трактовал указанное выше прилагательное и однокоренные с ним слова: «Гражданский, ая, ое, *пр.* 1) Относящийся к гражданам. *Гражданские законы. Гражданское общество.* 2) Штатский, т.е. не военный. *Гражданские мундиры.* — *Гражданская архитектура.* Искусство строить дворцы, частные дома и церкви. — *Гражданская палата*, то же, что палата гражданского суда. — *Гражданская печать*, Начертание употребительных ныне Русских букв, которыми печатаются светские книги. — *Гражданская смерть.* Состояние человека, находящегося в ссылке и лишённого всех гражданских прав; политическая смерть. — *Гражданский венец. Гражданская корона.* У Римлян: венец, который давался за гражданские подвиги. Гражданственность, и, с. *ж.* Гражданское образование. Гражданство, а, с. *р.* 1) Со-

В 1830-е — начале 1840-х годов в переводные словари входит третье значение *civilisation* — *просвещение*. Так, в *Немецко-русском словаре* 1835 года читаем: «Civilisation, f.s. просвещение; —siren, v.a. просвещать; —sirt (-er, —erte) а просвещенный»⁴¹. *Французско-русский словарь* 1841 года фиксировал оба бытовавших во французском языке значения — юридическое и общекультурное: «Civilisation, s.f. превращение уголовного дела в гражданское; — просвещение; облагонаравливание; образование»⁴².

К середине 1850-х годов слово *цивилизация*, по-видимому, прочно вошло в русский язык, что отразилось прежде всего именно в переводных словарях. *Полный немецко-русский словарь* Ивана Павловского, выпущенный в Риге в 1856 году (цензурное разрешение 24 ноября 1855 года), говорил: «Civilisation, f. цивилизация; (Sittenverbesserung) нравственное образование; (Sittenveredelung) облагороживание нравов; (Aufklung) просвещение; (Bildung) образованность»⁴³. *Цивилизация* связывалось Павловским именно с категорией *образованность*, причем в качестве одного из значений составитель словаря приводил слово-антагонист *Civilisation* в немецком языке — *Bildung*. Гражданственность соответствовала здесь прежде всего другому слову — *Civilisierung* (хотя в качестве пояснения вводилось затем и *Civilisation*)⁴⁴. *Цивилизация* и ее дериваты Павловским — вполне в духе немецкой традиции — связывались именно с уровнем образования и культуры.

В итоге можно сделать предварительный вывод, что начиная с середины 1830-х годов слово *civilisation* переводится на русский

стояние гражданина. *Получить право гражданства.* 2) *соб.* Граждане. *Умолив своих мужественно подвизатися диже до смерти за законы, за святилище, за град, за отечество, за гражданство, окрест Модина воинство постави.* 2 Макк. XIII. 14» (Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 1. С. 288). См. также: *Степанов Ю.С.* Слова *правда* и *цивилизация*. С. 168—169. Схожие значения слов *гражданин* и *гражданский* фиксировались в России с XVIII века — см.: *Словарь русского языка XVIII века.* Л., 1989. Вып. 5. С. 212—214.

⁴¹ *Немецко-русский словарь*, составленный по лучшим источникам с приложением списка употребительнейших имен мужских и женских, Исторического и Географического Словаря. Составленный Обществом любителей обоих языков. СПб., 1835. Ч. 1. С. 247.

⁴² *Французско-русский словарь*, извлеченный из новейших источников, В. Эртелем. СПб., 1841. Т. 1. С. 210.

⁴³ *Полный немецко-русский словарь.* Составлен И. Павловским. Рига, 1856. Ч. 1. С. 303.

⁴⁴ Там же.

язык двояким образом: *гражданственность и образованность/образование*. Первая аналитическая работа, посвященная понятию *цивилизация* в России, книга Амвросия Лукьяновича Метлинского *О сущности цивилизации и значении ее элементов* (1839), подтверждает последнее заключение. Метлинский, рассуждая о переводе слова *civilisation* на русский язык, цитировал переводчика книги *О производительных и торговых силах Франции* Пьера-Шарля Дюпена (вышла в России в 1831 году): «Не взирая на все возможные недоумения о переводе *Civilisation* словом *гражданственности* или *образованности*, я употребил первое, как совершенно согласное с предметом [...] Гражданственность объемлет вместе обыкновения и нравы, понятия и знания, искусства и науки, производимость и богатство»⁴⁵. В 1831 году фиксировались два возможных перевода *Civilisation* — *гражданственность и образованность*, причем предпочтение отдавалось первому из них, как, вероятно, более соответствующему французскому употреблению. Сам Метлинский в 1839 году уже предпочитал пользоваться словом *цивилизация*, ссылаясь при этом на *Журнал министерства народного просвещения* (за 1834 год): «Желая, однако ж, избежать недоразумений, я оставляю слово “цивилизация” как оно есть, и как многими употребляется [...] См. извлечение из Гизо, составленное Погодиным»⁴⁶.

Понятие *цивилизация* в языке русской периодической печати

В язык русской периодической печати слово *цивилизация* входит, насколько мы можем судить, с 1834 года, причем водораздел в употреблении слова между 1820-ми и 1830-ми годами прочерчивается весьма явственно. Показательны здесь критические отзывы на поэму А.С. Пушкина *Цыганы*, вышедшую в 1827 году и напрямую ставившую проблему сосуществования *дикости/вольности/естественности/природности* и *цивилизации/города/рациональности/порока*. Ни в одном критическом отзыве на поэму слово *цивилизация* или однокоренные ему слова не встречаются, хотя само понятие, несомненно, присутствует и передается через термин *образованность* и его дериваты:

⁴⁵ О сущности цивилизации и значении ее элементов. Сочинение А. Метлинского. Харьков, 1839. С. 14—15.

⁴⁶ Там же. С. 15.

«Буйные страсти полуобразованного Алека»; «затаенная образованность Алеко» [критик *Северной пчелы*: Рец. на: «Цыганы» (писано в 1824 году). М., 1827 // *Северная пчела*. 1827. №65 (31 мая)];

«...среди сих детей природы независимой и дикой является третье лицо: гражданин общества и добровольный изгнанник его, недовольный питомец образованности, или худо понявший ее...»; «тягость от повинностей образованного общежития» [*Вяземский П.А.* Рец. на: «Цыганы». Поэма Пушкина // *Московский телеграф*. 1827. №10 (июнь)];

«...жизнь образованных горожан» [*Сомов О.М.* Обзор российской словесности за 1827 год // *Северные цветы* на 1828 г. СПб., 1827];

«...утонченное общежитие»; «трудная образованность»; «выгоды образованности» [*Киреевский И.В.* Нечто о характере поэзии Пушкина // *Московский вестник*. 1828. №6 (март)]⁴⁷.

Однако уже в 1835 году Виссарион Григорьевич Белинский в статье *Стихотворения Владимира Бенедиктова* [Телескоп. 1835. № 11], рассуждая о *Цыганах*, вводит понятие *цивилизация*: «таковы его “Цыганы”, где выражена идея, что пока человек не убьет своего эгоизма, своих личных страстей, до тех пор он не найдет для себя на земле истинной свободы ни посреди цивилизации, ни в таборах кочующих детей вольности»⁴⁸.

В 1829 году Николай Алексеевич Полевой в *Московском телеграфе* переводит с французского *цивилизация* как *гражданственность*: «История Европейской Гражданственности» Гизо [Рец. на: «История государства Российского. Сочинение Н.М. Карамзина // *Московский телеграф*. 1829. № 12], а в 1832 году употребляет, по-видимому, в качестве перевода именно французского *civilisation* слово *образование*: «Гизо, глубоко постигший историю образования новой Европы» [О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах (против статьи г-на Шове) // *Московский телеграф*. 1832. № 1/3]⁴⁹. Иван Васильевич Киреевский в программной статье своего *Европейца* под названием *Девятнадцатый век* (1832) ни разу не пользовался словом *цивилизация*, хотя апеллировал именно к этому синтетическому понятию, говоря о *просвеще-*

⁴⁷ Пушкин в прижизненной критике, 1820—1827. СПб., 2001. С. 318—319; Пушкин в прижизненной критике, 1828—1830. СПб., 2001. С. 29, 78—79.

⁴⁸ *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 203.

⁴⁹ *Полевой Н.А., Полевой Кс.А.* Литературная критика. Статьи и рецензии, 1825—1842. Л., 1990. С. 39, 109.

нии, образовании, образованности, общественном быте⁵⁰; см. также его статью 1829 года *Обозрение русской словесности 1829 года* [Денница, альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. М., б.г.]: «тот [...] кто подвинул на полвека образованность нашего народа...» (о Н.М. Карамзине), «венец просвещения европейского служил колыбелью для нашей образованности...», «европейская образованность», «английская образованность Соединенных Штатов»⁵¹.

Ситуация меняется в 1834 году, что связано, как нам представляется, прежде всего с тремя изданиями — *Журналом министерства народного просвещения*, газетой *Молва* и журналом *Телескоп*, где сотрудничал Белинский. Начиная со своей первой статьи *Литературные мечтания* [Молва. 1834. № 49]⁵² Белинский стал активно использовать исследуемое здесь понятие и затем прибегал к нему на протяжении всей своей критической деятельности — вплоть до 1847 года. Согласно нашим подсчетам, в 87 больших литературно-критических статьях Белинского с 1834 по 1847 год слово *цивилизация* встречается 114 раз, при относительно равном его распределении по отдельным текстам⁵³. В своих письменных объяснениях

⁵⁰ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1998. С. 82—106.

⁵¹ Там же. С. 57, 80—81. См. также в статье *Девятнадцатый век*: «Вот отчего просвещение каждого народа измеряется не суммой его познаний, не сомкнутым развитием его национальности, не утонченностью и сложностью той машины, которую называют *гражданственностью*, но единственно участием его в просвещении всего человечества...» (Там же. С. 102). И.В. Киреевский не пользовался словом *цивилизация* и впоследствии, в 1840-е и 1850-е годы.

⁵² Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 1. С. 84.

⁵³ Белинский употреблял термин *цивилизация* почти во всех значениях, которые придавались этому понятию в Европе (Белинский, плохо владевший иностранными языками, по всей видимости, мог почерпнуть первоначальные сведения о различии смыслов *цивилизации* в кружке Н.В. Станкевича): 1) особый тип культурного и государственного развития, свойственный определенной географической территории и подразумевающий употребление слова *цивилизация* во множественном числе (включая важную возможность «гибели» отдельной *цивилизации*, «созревания» или «перезревания *цивилизации*)» — «европейская цивилизация», «наша европейская цивилизация», «русская цивилизация», «наша новая цивилизация», «полувосточная цивилизация Московского царства», «китайская цивилизация», «наша цивилизация», «новейшая цивилизация христианских народов», «цивилизация новейшего мира», «классическая цивилизация», «древняя цивилизация» — вплоть до «странной цивилизации» казачества [Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича // Отечественные записки. 1845. № 8 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1981. Т. 7. С. 387); статья *Общее значение слова литература* (при жизни не печаталась, написана в первой половине 1840-х годов: Там же. М., 1981. Т. 6. С. 516)]; «наша европейская цивилизация» [Сочинения Державина <Статья первая> и вторая //

в Петербурге после скандала вокруг публикации в *Телескопе* первого *Философического письма* Чаадаева (ноябрь 1836 года) журналист и издатель *Молвы* и *Телескопа* Николай Иванович Надеждин, размышлявший над каждым своим словом, произнесенным или написанным на следствии, многократно пользовался понятием *цивилизация* (а не *образованность* или *гражданственность*). Надеж-

Отечественные записки. 1843. № 2/3 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 6. С. 23)]; «русская цивилизация» [<Статьи о народной поэзии> // Отечественные записки. 1841. № 12 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1979. Т. 4. С. 230)]; Речь о критике... А. Никитенко // Отечественные записки. 1842. № 9/11 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1979. Т. 5. С. 84)]; «наша новая цивилизация» [Бородинская годовщина. В. Жуковского... Письмо из Бородина от безрукого к безногую инвалиду // Отечественные записки. 1839. № 10 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1977. Т. 2. С. 115)]; «полувосточная цивилизация Московского царства» [Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича // Отечественные записки. 1845. № 8 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 7. С. 382)]; «китайская цивилизация» [Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича // Отечественные записки. 1845. № 8 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 7. С. 383)]; «наша цивилизация» [Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // Современник. 1847. № 2 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1982. Т. 8. С. 233)]; Речь о критике... А. Никитенко // Отечественные записки. 1842. № 9/11 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 5. С. 111)]; «новейшая цивилизация христианских народов» [Разделение поэзии на роды и виды // Отечественные записки. 1841. № 3 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1978. Т. 3. С. 325)]; «цивилизация новейшего мира» [статья *Общее значение слова литература* (при жизни не печаталась, написана в первой половине 1840-х годов: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 6. С. 504)]; «классическая цивилизация» [та же статья (Там же. С. 514)]; «древняя цивилизация» [та же статья (Там же. С. 514)]; Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым // Отечественные записки. 1844. № 9 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 7. С. 83)]; «странная цивилизация» казачества [О русской повести и повестях г. Гоголя // Телескоп. 1835. № 7/8 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 1. С. 181)]; 2) *цивилизация* как «процесс умственного развития народа»; 3) *цивилизация* как идеал, эталон, высшая ступень развития человеческого общества; 4) противопоставление «фальшивой» и «искусственной» *цивилизации* «истинной», основанной на нравственных достоинствах составляющих ее людей; 5) противопоставление *цивилизации*, с одной стороны, «варварству», «дикости», «невежеству», а с другой — «патриархальным нравам», «природной естественности», что чаще всего окрашивалось у Белинского в западнические тона. Последнее немаловажно: при некоторых исключениях, словоупотребление Белинского показывает, что, с его точки зрения, *цивилизация* может быть только «европейской», — «Можно указать на выходки, разбросанные там и сям, против европеизма, цивилизации, необходимости образования и грамотности для простого народа, против реформы Петра Великого, современных нравов, какие-то темные намеки, что русскому обществу надо воротиться назад и снова начать свое самобытное развитие с той эпохи, на которой оно было прервано, надо сблизиться с народом, который будто бы

дин употреблял слово *цивилизация* прежде всего в значении «особая географо-культурная общность»: «европейская цивилизация»⁵⁴, «русская самобытная цивилизация»⁵⁵, русская «семейная цивилизация»⁵⁶. Напомним, что *цивилизация* однажды использовалась и в анонимном переводе самого первого *Философического письма*⁵⁷, помещенном в 15-й книжке *Телескопа* за 1836 год. После Белинского слово *цивилизация* входит в обиход языка русской периодики и исторической науки: в 1840—1850-е годы его часто употребляли Николай Алексеевич Некрасов, Аполлон Александрович Григорьев, Николай Гаврилович Чернышевский, Николай Александрович Добролюбов, Иван Сергеевич Аксаков, Константин Дмитриевич Кавелин, Тимофей Николаевич Грановский и многие другие.

При всей разности значений, которыми наделялась *цивилизация* в трудах упомянутых критиков и историков, смысловое поле

сохранил в чистоте древние славянские нравы и нисколько не изменился в продолжение веков» [Ответ «Москвитянину» // Современник. 1847. № 11 (цит. по: *Белинский В.Г.* Собр. соч. Т. 8. С. 330)]. Белинский соединял *цивилизацию* с «просвещением» и «образованием», каковые функции и приписывались литературе и критике. Ряд семантически близких *цивилизации* понятий в работах Белинского включал в себя «просвещение», «общественное образование», «общественность», «духовное развитие», «образованность», «образование», «науку», «разум», «историю», «искусство», «поэзию», «гражданственность», «гражданское благоденствие», «нравственность», «добро», «нравы», «человечность», «гуманность», «права личности».

⁵⁴ «Другие могли обратить против меня мое оружие, могли сказать: “мы согласны, что Русский народ велик, что он уже созрел; значит, он имеет все права на участие в плодах европейской цивилизации!”» (РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. Ед. хр. 880. Л. 12 об.; далее цит. по: *Чаадаев П.Я.* Избр. тр. С. 618).

⁵⁵ «Россия не Европа и не должна быть Европой, что эта великая держава, обнимая седьмую часть Земного шара, есть особая часть света, которая должна и предназначена Промыслом развить из себя свою Русскую цивилизацию, которая также обновит дряхлую Европу, как за несколько веков Европа в лице Греции и Рима обновила дряхлую Азию. Потом я составил себе следующую идею Русской самобытной цивилизации» (Там же. С. 619; курсив автора).

⁵⁶ «И какой другой народ ближе к этому высокому идеалу семейной цивилизации, как не Русский, который до сих пор не переставал быть согласной, единодушной, безусловно покорной семьей — семьей детей, конечно со свойственными детям недостатками, но зато с какими же надеждами?» (Там же. С. 620).

⁵⁷ «Некогда великий царь хотел нас образовать и, чтоб заохотить к просвещению, бросил нам мантию цивилизации: мы подняли мантию, но не коснулись просвещения» (*Телескоп*. 1836. № 15. С. 294). Именно этот фрагмент приводил, в частности, Надеждин в своих письменных объяснениях на следствии (*Чаадаев П.Я.* Избр. тр. С. 621).

понятия более или менее всегда конституировалось вокруг сферы культурного и духовного развития человека и общества. У того же Белинского существенно реже встречалось соотношение *цивилизации* и экономической деятельности, свойственное прежде всего франко-английскому контексту (из многих примеров: «коммерческая цивилизация Новагорода» [*Статьи о народной поэзии // Отечественные записки*. 1841. № 12]⁵⁸), *цивилизации* и «роскоши», «торговли», «промышленности», «города», «железной дороги». Напротив, критик утверждал, что промышленное развитие государства необязательно влечет за собой нравственное совершенствование, которое прежде всего является результатом духовной, культурной деятельности нации и, в частности, литературы, «цвета целой цивилизации народа»⁵⁹:

Погодите, и у нас будут чугунные дороги и, пожалуй, воздушные почты, и у нас фабрики и мануфактуры дойдут до совершенства, народное богатство усилится; но будет ли у нас религиозное чувство, будет ли нравственность — вот вопрос! Будем плотниками, будем слесарями, будем фабрикантами; но будем ли людьми — вот вопрос!⁶⁰

Решающую роль в распространении термина *цивилизация* сыграл *Журнал министерства народного просвещения*, который редактировался министром народного просвещения С.С. Уваровым и уже при своем возникновении содержал постоянную рубрику *История просвещения и гражданского образования*, то есть, как это объяснялось все в том же первом номере журнала, *civilisation*. В начальной книжке *Журнала* (1834. № 1) был помещен перевод первой лекции Франсуа Гизо из цикла *История цивилизации в Европе*, озаглавленный *Первая лекция Г-на Гизо. Из читанного им курса Истории Европейского Гражданского образования*. В тексте происходило расщепление французского понятия *civilisation* на несколько русских эквивалентов: *цивилизация*, *гражданское образование*, *гражданская образованность* (последние два варианта передавали две стороны одного французского существительного — процессуальность

⁵⁸ *Белинский В.Г.* Собр. соч. Т. 4. С. 238.

⁵⁹ О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // *Телескоп*. 1836. № 5/6 (цит. по: *Белинский В.Г.* Собр. соч. Т. 1. С. 302).

⁶⁰ Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы // *Телескоп*. 1836. № 4 (цит. по: *Белинский В.Г.* Собр. соч. Т. 1. С. 255).

и результативность). *Гражданское образование* («с давних пор и во многих странах употребляют слово: *цивилизация*, *гражданское образование*...»⁶¹) как бы подменяло собой французский термин. «Подмена» усиливалась подчеркнутой синонимичностью двух на самом деле совсем не идентичных понятий: «Говорю: Европейского гражданского образования, ибо существование цивилизации Европейской очевидно»⁶². Характерно, что Уваров счел необходимым прокомментировать лекцию Гизо, рассуждавшего, в частности, и о необходимости совершенствования гражданской жизни и экономического благосостояния при *цивилизации*⁶³: «...гражданское образование каждого народа должно совершаться согласно с его особенными потребностями».⁶⁴ Этот тезис усиливал акцент на «образовательной», «просвещенческой» семантике *цивилизации*, о чем подробнее пойдет речь ниже. Во второй части *Журнала министерства народного просвещения* за 1834 год имя Гизо встретилось вновь — в материале Михаила Петровича Погодина *Очерк европейской истории в Средние века. По Гизо* (из той же *Истории цивилизации в Европе*). Погодин в одной из сносок вновь употребил слово *цивилизация*: «Христианская Религия есть корень Европейской цивилизации»⁶⁵. Хотя в дальнейшем, в 1830-е годы, по нашим наблюдениям, слово *цивилизация* нечасто встречалось на страницах ведомственного журнала Уварова, с 1834 года термин входит в употребление — о чем свидетельствует и ссылка на *Журнал министерства народного просвещения* в уже упоминавшемся исследовании А.Л. Метлинского 1839 года⁶⁶.

Цивилизация: «материальные» и «духовные» аспекты

Понятие *цивилизация* ассимилировалось в России в своем «культурно-образовательном» значении в середине 1830-х годов.

⁶¹ ЖМНП. 1834. № 1. С. 434.

⁶² Там же. С. 428.

⁶³ Там же. С. 438.

⁶⁴ Там же. С. 440.

⁶⁵ Там же. 1834. № 2. С. 92. Еще ранее, в 1836 году, А.И. Тургенев в *Хронике русского* (глава XI. *Париж*; опубликовано: Современник. 1836. Т. 1), рассуждая о Гизо, также использовал слово *цивилизация*, а не, например, *гражданственность* [Тургенев А.И. *Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.)*. М.; Л., 1964. С. 67].

⁶⁶ Подробнее о восприятии концепции *цивилизации* Гизо в России см.: *Evtiuhov S. Guizot in Russia*

Между тем изначально — в том числе и в чрезвычайно важных для русского контекста работах Гизо конца 1820-х годов — понятие *цивилизация* неразрывно соединяло в себе как материальную, так и нематериальную реальность: социальный и политический быт, с одной стороны, литературу, науки и искусства — с другой. Адриано Бальби писал в 1830 году в журнале *Le Revue britannique*: «...Le mot *civilisation* doit embrasser religion, lois, coutumes, mœurs, gouvernement, genre de vie, organisation sociale, arts, sciences, littérature, langage»⁶⁷ («слово *цивилизация* должно охватывать религию, законы, обычаи, нравы, форму правления, быт, социальную организацию, искусства, науки, литературу, язык»).

Стремясь проверить гипотезу о первоначальном восприятии в России лишь культурного аспекта *цивилизации*, мы исследовали язык русской экономической периодики той эпохи. В качестве объекта для фронтального просмотра был избран ежемесячный *Журнал мануфактур и торговли*, выходивший при департаменте мануфактур и внутренней торговли с 1825 по 1860 год. Кроме официальных распоряжений, журнал печатал по преимуществу переводные статьи, однако к 1860 году количество русскоязычных авторских статей стало резко увеличиваться. Этот журнал привлек наше внимание еще и потому, что, будучи официальным министерским изданием, он долгое время сохранял определенную консервативность в выборе тем, сюжетов для публикаций, лексики и т.д. Иначе говоря, уместно предположить, что использование того или иного понятия в языке этого технико-экономического журнала свидетельствовало о его окончательном вхождении в русский язык. Главным образом нас интересовали не упоминания *цивилизации* как таковой, но именно частотность и регулярность ее появления на страницах издания.

Просмотр *Журнала мануфактур и торговли* за период с 1830 по 1860 год привел к следующим предварительным результатам. Спорадически *цивилизация* и ее дериваты начали появляться на страницах журнала с конца 1840-х годов⁶⁸; до (а также и после)

⁶⁷ *Revue britannique*. 1830. Т. 1. P. 462.

⁶⁸ См., например: «Обширная будущность открывается пред ними (портами: Таганрог, Мариуполь, Ростов и Бердянск. — *М.В.*), благодаря цивилизации и здоровой политике России, умевшим обратить кочующие народы, дикие орды, в полезных земледельцев. Народонаселение казаков на берегах Дона, Днепра и Волги, некогда ведшее жизнь предприимчивых ратников, ныне образует прекрасные деревни, как бы выросшие по волшебству из земли. Казаки

этого понятие *цивилизация*, как правило, передавалось через слова *просвещение, образованность, образование и гражданственность*⁶⁹, Радикальные изменения в употреблении термина происходят в 1860 году. Если в 1859 году, согласно нашим подсчетам, в *Журнале мануфактур и торговли* слово *цивилизация* не встречается ни разу, то публикации за 1860 год насчитывают сразу несколько случаев его употребления, в частности в связи с темой экономического развития. Во втором номере за 1860 год в статье *Хлопчатобумажные плантации в Южной Африке (Комм. газ.)* говорилось: «Благодарнейшие идеальные и самые здоровые практические стремления британской нации сливаются, следовательно, между собою в великом деле цивилизации и введения христианства в Африке...»⁷⁰ Затем *цивилизация* появилась в переводной статье *Георг и Роберт Стифенсоны (извлечено из статьи Огюста Ложеля)* (из *Revue des deux Mondes*, номер от 1 февраля 1860 года): «Биография этого честного и мужественного труженика, которому наш век обязан одною из тех блестящих заслуг, которыми ознаменовываются великие эпохи цивилизации...»⁷¹ В пятом номере журнала французское слово *civilisation* было вновь переведено именно как *цивилизация*: «Внутреннее спокойствие отдельных государств и всего света тесно связано с успехом вопроса о свободе промышленности. Она есть потребность нашего времени и все меры, предпринимаемые с целью споспешествования ей, достойны всякой по-

полубили земледелие, занимаются скотоводством. Их дикость уступила место правильной администрации, добрым отношениям гражданским» [Взгляд на промышленность и торговлю Южной России (Херсон. губерн. ведомости) // ЖМТ. 1848. № 12. С. 322].

⁶⁹ В России «успехи промышленности шли ровным шагом с успехами в просвещении и образованности»; Петр I «сблизил Россию с Европою, ознакомил народ свой с образованием Европейским» (Вступление // ЖМТ. 1825. № 1. С. II, X). «Эти успехи имели благотворное влияние на нравы и благосостояние народное. В странах, где мануфактурная и земледельческая промышленность были наиболее оживлены, разлилось просвещение, улучшились нравы, пища сделалась здоровее, жилища удобнее» (Исторический взгляд на французскую промышленность // Там же. 1834. № 11. С. 13). «Сисмонди, начертав, как искусный художник и превосходный экономист, картину настоящего положения нашей гражданственности, не сделал ни какого заключения; он не показал, что должно делать, и что нужно предпринять» (Несколько лекций о Политической и промышленной экономии, читанных в 1838 году в Париже профессором Бланки // Там же. 1846. № 4. С. 355).

⁷⁰ Там же. 1860. № 2. Смесь. С. 22. В той же статье говорилось и об «общирном круге цивилизованной деятельности» (Там же. С. 21).

⁷¹ Там же. № 4. С. 2.

хвалы, потому что они служат делу цивилизации»⁷². В 11-м номере журнала слово *цивилизация* было употреблено уже в оригинальной статье — *Производство железа* Аркадия Бутовского: «Железо искони составляло одно из существенных условий развития цивилизации и потому по справедливости считается важнейшим продуктом промышленности, в котором нуждаются и просвещенные народы, и дикари, с тою лишь разницею, что у первых эта потребность несравненно многостороннее»⁷³. Более того, с 1859 по 1860 год можно обнаружить изменения в словоупотреблении у одного и того же автора журнала. Экономист В. Татаринов в 1859 году употреблял в качестве эквивалента *цивилизации* словосочетание *гражданское развитие*:

Торговля и вообще промышленность, более чем что либо, имеют космополитический характер и не связываются национальностью и историческими условиями. Истекая из одних начал — удовлетворения нужд и личной выгоды — они действуют на одних основаниях, употребляют почти одни и те же средства во всех странах, и если есть различия, то они зависят от степени гражданского развития, и по крайней мере у европейских народов почти не имеют значения⁷⁴.

Однако в 1860 году Татаринов пользуется уже словом *цивилизация*:

Без всякого преувеличения можно сказать, что в этом смысле (облегчения развития человека), фабрики, машины, экономические изобретения суть орудия, условия цивилизации. Что они сами являются вследствие развития наук и знаний человеческих, это доказывает, с другой стороны, что они составляют признак цивилизации, и что успехи и усовершенствования их идут наравне с успехами цивилизации. После того, что же значит восставать против фабричной промышленности в нынешних ее размерах? не то же ли самое, что восставать против успехов человеческого ума и цивилизации?⁷⁵

⁷² Французская промышленность и новые машины. Экскурсия в Нормандию (из статьи Эмиля Фурье) (из «Journal des économistes», март 1860 г.) // ЖМТ. 1860. № 5. С. 27.

⁷³ Там же. № 11. Отд. 4. С. 1.

⁷⁴ Татаринов В. Варранты и продажи оптом с аукциона в Англии и Франции // ЖМТ. 1859. № 9. С. 47.

⁷⁵ Татаринов В. Об ограничениях свободы промышленности и о цеховом устройстве // ЖМТ. 1860. № 9. С. 81—82.

Данные *Журнала мануфактур и торговли* подтверждаются публикациями из других экономических журналов. Так, слово *цивилизация* начинает активно использоваться авторами московского *Вестника промышленности* именно ко второй половине 1850-х годов⁷⁶. Между тем синонимичные с *цивилизацией* понятия (такие как *образованность*, *образование* или *гражданственность*) не исчезают со страниц экономической периодики с начала 1860-х годов и продолжают употребляться относительно часто⁷⁷.

Схожая картина наблюдается в географических журналах, где также следовало бы ожидать раннего обращения к понятию *цивилизация*. В *Записках Императорского Русского географического общества* слово *цивилизация* появляется весьма поздно. В конце 1840-х и 1850-е годы вместо *цивилизации* авторы *Записок* используют слова *просвещение*, *образование* или *образованность*⁷⁸, в том числе и при прямой апелляции к экономическому развитию имперских окра-

⁷⁶ См., например: *Вестник промышленности*. 1859. № 10. С. 2, 29; Смесь. С. 30; 1860. № 2. С. 192; № 3. С. 16. См. также: *Экономический указатель*. 1858. № 7 (16/28 февр.). С. 135—136.

⁷⁷ См. характерный пример: «Народ, живущий отдельно от прочего мира, замкнутый в самом себе, в течение целых тысячелетий, почти не сходит с первых ступеней человеческого образования. Только обоюдные сношения, только частые соприкосновения с другими народами могут всесторонне развить в нем образование. Места первых торговых сношений были также и местами первой образованности; обмен товаров порождает собою и обмен идей. История торговли должна обнимать собою, по преимуществу, сношения народов образованных...» [С-ов Н. Исторический очерк развития торговых отношений (из книги: *Geschichte des Handels und Weltverkehrs* J. Engelmann. Leipzig, 1859) // *Вестник промышленности*. 1859. № 10. С. 104].

⁷⁸ См., например: «Не распространяясь о том, что низшая степень просвещения в других представляется нам всегда совершенно противоположною степени образованности, на которой мы себя считаем [...] в средней части ее (Европы. — М.В.). Германские народы попирали развалины Римского просвещения, из коих возникла новая образованность...» [Бер К.М. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности (перевод с немецкого) // *Зап. Имп. Русского географического общества*. СПб., 1849. Кн. 1 и 2. С. 68, 71]; «Сохранившиеся до нашего времени памятники древности доказывают, что прежние обитатели Сибири стояли на гораздо-высшей степени образования, сравнительно с нынешними ее племенами» (*Снацкий Гр. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими* // Там же. 1857. Кн. 12. С. 114); «Впрочем, если гражданственность, на какой бы то ни было ступени развития, и существовала в Воронежском крае, Монголы своим нашествием совершенно истребили ее» (*Германов. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии* // Там же. С. 186).

ин⁷⁹. Однако в 1861 году *цивилизация* прочно закрепляется на страницах журнала. Например, в первой книжке издания читаем:

Вторая всемирная выставка промышленности, бывшая в Париже в 1855 году, привлекала собой, изо всех концов света, множество просвещенных людей, убежденных в том, что однообразие мер, весов и монеты есть один из необходимейших рычагов для успеха цивилизации⁸⁰;

О том, что еврейское племя обладает вообще замечательно развитыми умственными способностями, едва-ли нужно распространяться. Стоит только взглянуть на современную или вековую историю, чтобы убедиться, что если в какой-либо эпохе или местности племя это оставалось в застое, то причины тому были всегда внешние, именно: когда господствующие народы преграждали ему путь к развитию сих способностей и вызывали тем нравственную апатию; коль скоро же цивилизация разрушала сии преграды, тогда являлись всегда почти на всех поприщах гениальные деятели из среды сего народа⁸¹.

Как и в случае с экономическими изданиями, авторы и переводчики, сотрудничавшие в *Записках*, не отказывались от терминов *образованность*, *образование*, *гражданственность* или *просвещение*. Так, например, в отчете о заседании Международного общества для содействия к повсеместному введению однообразной десятичной системы мер, весов и монеты приводились франкоязычные цитаты из обращения этих обществ к президенту Российской Академии наук Дмитрию Николаевичу Блудову и другим ее членам, которые сопровождалась переводами на русский язык. В тексте присут-

⁷⁹ «Быть может, близко время, когда пылкое стремление Великого Преобразователя к сближению России с Центральною Азией должно быть приведено в исполнение — но уже не для увеличения народного богатства одними золотоносными песками — не видами, ныне более мечтательными, нежели практическими, на прямые сношения с Индией — не желанием завоевать Хиву, Бухару, Кокан и Яркен; но миролюбивым, постепенным покорением варварства влиянию образованности, *посредством коммерческих сношений*» (*Чухачев Пл. О исследовании вершин Сыр и Аму-дарьи и нагорной площади Памира* // Там же. 1849. Кн. 3. С. 26; курсив автора).

⁸⁰ О международном обществе для введения однообразной десятичной системы мер, весов и монеты // Там же. 1861. Кн. 1. С. 79.

⁸¹ *Берлин М. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России* // Там же. С. 63. Слово *цивилизация* появлялось в этой статье еще раз: Там же. С. 52. Кроме того, см.: Там же. Географическая летопись. С. 28.

ствовала *цивилизация*, однако однокоренные с *civilisation* слова интерпретировались следующим образом: выражение «les différents Etats civilisés» было переведено как «различных странах образованного мира», слова «Sous le gouvernement d'un Prince qui se montre si noblement inspiré de pensées civilisatrices» — как «и в России, живущей под управлением Государя, столь благородно одушевленного мыслию просвещения», «Tous les peuples civilisés» — как «всех образованных народов»⁸². Зачастую статьи географической тематики, связанные с *цивилизацией*, публиковались не в специальных изданиях соответствующего профиля, а в прежде всего литературных журналах⁸³.

В итоге можно прийти к заключению, что журнальная рецепция понятия *цивилизация* в России первоначально шла именно по каналам литературно-критических (с 1830-х годов), а не экономических (где это понятие распространяется с начала 1860-х годов) или географических изданий. Материалы периодики обладают, как кажется, необходимой степенью репрезентативности, дабы утверждать, что соответствующая динамика была присуща языковой системе в целом (речь опять же в данном случае идет не о случаях единичного употребления понятия, но о регулярном его использовании). Если во французском языке *civilisation* конденсировала как

⁸² Берлин М. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России. С. 95—96, 98. См. также: «...Аму-дарья может и в самой далекой будущности сделаться второстепенною дорогою промышленности, образования и гражданственности» (Венюков М. Описание Хивинского царства и дороги туда из Сарайчиковской крепости // Там же. 1861. Кн. 2. С. 162—163). Тот же М. Венюков употреблял оба термина, см. в частности: «Вообще мы смотрим на торговлю Западной Сибири с среднею Азиею как на вернейший путь к цивилизации последней» (Краткий обзор внешней торговли чрез Западную Сибирь, в 1851—1860 годах // Там же. 1861. Кн. 3. С. 185). См. также: Там же. 1861. Кн. 4. С. 42, 85; Географическая летопись. С. 11—12.

⁸³ Характерен пример работы Семенова-Тянь-Шанского: Семенов П. П. Орывки из истории природы. Гольфштром, его причины и отношения к развитию цивилизации в Европе // Отечественные записки. 1855. Т. 102. № 10. Науки и искусства. С. 77—104. В своем определении *цивилизации* Семенов акцентировал именно общественные, государственные и географические черты (а не, скажем, социоэкономические): «Это постоянное совершенствование человечества, как существа коллективного и интеллектуального, в соединении с некоторыми внешними формами жизни общественной и государственной, способствующими предназначенной Провидением человечеству деятельности, называем мы цивилизациею. [...] Европа представляет для развития общечеловеческой цивилизации, а именно: в фазисе ее отрочества и юношества, такие выгодны условия, как никакая другая часть нашей планеты» (Там же. С. 78).

материальную, так и культурную составляющую жизни общества, в немецком — *Zivilisation* часто выступала в качестве антитезы *образованию* и *культуре*, в английском — изначально была связана с определенным типом экономической деятельности, то в России *цивилизация* интерпретировалась прежде всего как *просвещение*, *образование*, *образованность*, *гражданственность* (причем последнее определение, по нашим наблюдениям, гораздо менее часто, нежели первые три⁸⁴), но не как *промышленность*, *торговля* и тому подобное. Уместно задаться вопросом: почему так произошло?

С.С. Уваров и его интерпретация понятия цивилизация

Если соединение *цивилизации* и *просвещения* в целом не вызывает удивления⁸⁵, то особого комментария требует связь понятия с *образованием* и *образованностью*. В данном случае, как кажется, вполне возможно установить, кому именно русский язык был обязан распространением такого «перевода»: министру народного просвещения С.С. Уварову, который, как отмечалось прежде, задал *цивилизации* «образовательную» траекторию, начиная с первого номера своего ведомственного журнала (1834). Словоупотребление Уварова было тем более влиятельным, что именно он в 1830-е годы формулировал «официальную» позицию российских властей в сфере культуры и имел все возможности ее «медийной» трансляции. Отсюда особую важность приобретают его собственные взгляды на сущность *цивилизации*, которые ниже будут рассмотрены в контексте его министерской деятельности.

Своего рода концептуальным введением к реформам Уварова в сфере народного просвещения может служить значительный корпус остающихся до сих пор не изданными сочинений, созданных им в период с 1828 по 1831 год. Оставивший после скандала вокруг Петербургского университета (1821) Министерство народного просвещения, президент Академии наук и член Комитета устройства учебных заведений Уваров во второй половине 1820-х годов актив-

⁸⁴ Последнее, как представляется, объяснимо: *гражданственность* обладала отчетливо «республиканскими» коннотациями. Употребление понятия *гражданственность*, несомненно, требует отдельного исследования.

⁸⁵ См., например: *Dampierre E. de*. Note. P. 333—334.

но пытался вернуться к административной карьере. В качестве конфидента и посредника между собой и Николаем I Уваров избрал начальника Третьего отделения графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. Начиная с 1828 года Уваров находился в отпуске, подолгу жил в имениях и работал над сочинениями самого разнообразного рода, в частности над записками по вопросам государственного управления — от устройства финансов и судебной системы до вопросов просвещения и отмены смертной казни⁸⁶. Эти записки, скрепленные идеей срочной необходимости масштабных реформ в России, Уваров пунктуально переправлял в Петербург Бенкендорфу, который, в свою очередь, представлял их государю. Кроме того, Уваров создал обширнейший трехчастный труд на французском языке *Etudes sur la Russie au XIX siècle*, посвященный описанию политических, социальных, экономических и культурных явлений русской жизни. Одна из глав третьей части *Etudes sur la Russie* озаглавлена *О цивилизации в России (De la civilisation en Russie)*⁸⁷.

Как замечал Уваров, процесс *цивилизации* в России принял противоположное направление в сравнении с другими европейскими странами. Историю *цивилизации* Уваров напрямую связал с социальной историей Европы, где третье сословие первым обратилось к «источнику полезных знаний»⁸⁸. В Европе, отмечал он, просвещение не проявилось ни в аристократическом меньшинстве, ни среди народного большинства, именно третье сословие было очагом *цивилизации*; в России же третье сословие не существует и не могло никогда существовать. По мысли Уварова, высшие классы в России долгое время в одиночестве владели «недозрелой цивилизацией» (*civilisation prématurée*)⁸⁹, не проникавшей глубже. Уваров писал: «Мы не находим в России длительной борьбы между двумя силами, равно слепыми, равным образом павшими в силу нравственного превосходства третьего сословия, владевшего цивилизацией и промышленностью», покорившими «баронов» и «плебс» вопреки их воле⁹⁰.

⁸⁶ См.: Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М., 2003. С. 182—183.

⁸⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 71—73 об. В дальнейшем перевод наш. — М.В.

⁸⁸ «...les classes <зачеркнуто: intermédiaire> moyennes ont les premières puisés à la source des connaissances utiles» (Там же. Л. 71).

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ «Nous ne retrouvons pas en Russie cette lutte prolongée entre deux forces également aveugles, également modifiées par la supériorité morale d'un troisième ordre

Согласно Уварову, трудно определить, кто в европейские Средние века, народ или нобили, более сопротивлялись влиянию просвещения? Доказано по крайней мере, считал он, что оба класса были насильно подчинены *цивилизации* и нравственно завоеваны классом-посредником. В России, благодаря уникальному стечению обстоятельств, аристократия, побуждаемая верховной властью, «бросилась навстречу просвещению как единственному способу стать на один уровень с Европой»⁹¹. В отличие от Европы, русское просвещение не было навязано высшему классу другим сословием, «охочим до его привилегий»⁹². Все главные интеллектуальные революции в Европе вышли из лоно среднего класса; единственная интеллектуальная революция, произошедшая в России, ограничивалась аристократией и верховной властью⁹³.

По мнению Уварова, *цивилизация* в России не была следствием трений между разными сословиями. Без сомнения, отмечал он, «цивилизация в России — это экзотическое растение»; несмотря на усилия, приложенные к его акклиматизации и распространению, чувствуется, что она несет в себе нечто постороннее, чего ни время, ни люди не могут искоренить⁹⁴. Европейская *цивилизация*, «рожденная посреди гражданских войн и зажженных фанатизмом костров», *цивилизация*, «сражавшаяся с гражданской и церковной властью, объединившимися против нее, осталась победительницей на поле брани». Она слишком тесно связана с жизнью европейских народов, чтобы не составить необходимый образ их существования.

en possession exclusive de la civilisation à de l'industrie. Armés d'un pouvoir irresistible à nouveau, les hommes de loi <зачеркнуто: de plume> à de finance ne se sont pas portés pour arbitres entre les barons à les vilains, en les aservissant en dépit d'eux» (Там же. Л. 71 об.).

⁹¹ «En Russie, par un concours singulier d'événements, l'Aristocratie poussée par l'autorité souveraine, s'est jeté au devant des lumières considérées comme l'unique moyen de se mettre au niveau de l'Europe» (Там же. Л. 72).

⁹² «Les lumières dont l'origine est étrangère, n'ont pas été imposées à la classe supérieure par une autre classe jalouse de ses privilèges» (Ôàì sæ).

⁹³ «Toutes les grandes revolutions intellectuelles en Europe sont parties du sein de la classe moyenne; la seule révolution intellectuelle qu'ait subi la Russie, s'est bornée à l'Aristocratie à au pouvoir souverain dont elle émane à dont elle fait partie» (Там же. Л. 72—72 об.).

⁹⁴ «La civilisation en Russie est sans contredit, une plante exotique; quelque soin qu'on ait pris de l'acclimater, quelques efforts qu'on ait faits pour la répandre, on sent qu'elle porte quelque chose d'étranger que ni le tems, ni les hommes n'ont pu lui ôter encore» (Там же. Л. 72 об.).

В России *цивилизация* хрупка и скудна, писал Уваров, поскольку это явление возникло вне ее⁹⁵.

Вопреки опыту европейских стран, Уваров не боялся «опасности» распространения просвещения среди низших сословий. «Они стремятся к образованию», и, писал он, «если никакое враждебное воспоминание не восстанет против положения дел, необходимо желать по крайней мере, чтобы истинная цивилизация, распространившаяся во всех классах по мере их нравственных потребностей, укоренилась бы в России глубже, чем это есть ныне»⁹⁶ (то есть в конце 1820-х годов). Уваров замечал, что культурная дистанция, отделяющая в России два социальных элемента — аристократию и народ, сама по себе есть залог общей безопасности, что позволяло компенсировать этот пробел за счет прогресса в сфере образования. Другие правительства Европы испытывали по этому поводу беспокойство, более или менее обоснованное, но это беспокойство было «чуждо правительству в России». Именно последнее обстоятельство способствовало тому, что российские власти полностью выигрывали от большего распространения познаний: было возможно избежать риска «революций», положив в основание образования твердые правила. Особенно это являлось актуальным в стране, где в силу уникальности исторических обстоятельств образование «не ушло из рук правительства и где оно могло еще считаться государственным делом»⁹⁷.

⁹⁵ «La civilisation européenne née au milieu des guerres civiles à aux pieds des bûchers allumés par le fanatisme, la civilisation obtenue <зачеркнуто: achetée> par des torrens de sang à qui a eu à combattre l'autorité civile à l'autorité sacerdotale <зачеркнуто: ecclésiastique> conjurées contre elle, est demeurée maîtresse du champ de bataille. Elle est trop intimement liée à la vie des peuples européens pour ne pas constituer désormais un mode indispensable de leur existence. En Russie la civilisation a quelque chose de frêle à d'exigu; quelque chose qui dénote qu'elle n'a pas pris naissance aux lieux où on la cultive» (Там же. Л. 72 об.—73).

⁹⁶ «...l'on n'a pas à craindre pour elle une réaction quelconque de la part des classes inférieurs qui semblent animés du désir de s'instruire à qu'aucun souvenir hostile n'aigrir contre une état des choses qui a réellement amélioré leur situation, on doit désirer au moins que la civilisation <вставлено карандашом: véritable> repandue sur toutes les classes dans la mesure de leurs besoins moraux, prenne bientôt en Russie des racines plus profondes qu'elle ne l'a fait jusques ici» (Там же. Л. 73).

⁹⁷ «Au milieu des difficultés qui naissent de cette complication d'intérêts, il est juste d'observer que la distance intellectuelle qui sépare en Russie les deux éléments de l'état, est pour elle un gage de la sécurité avec laquelle on peut laisser combler cet intervalle par les progrès d'une instruction plus générale. Les autres gouvernements de l'Europe éprouvent à cet égard des inquiétudes plus ou moins fondées, mais ces inquiétudes sont étrangères au gouvernement russe. Il a tout à gagner dans ce moment

После событий начала 1830-х годов, особенно во Франции, где вновь было актуализовано представление о «революционной» функции третьего сословия⁹⁸, скепсис Уварова в отношении современного состояния европейской *цивилизации* резко усилился. Важно, что констатация разрыва между историческими путями России и Европы являлась исходной точкой рассуждений Уварова. При этом Уваров признавал общность конечной цели России и Европы — *цивилизации* или, согласно его более поздней формуле, «европейского образования». Однако общность цели решительно не заставляла будущего министра задуматься об институциональном заимствовании с Запада, но, напротив, наводила его на мысль о максимальном использовании той исключительной ситуации, которая сложилась в России, — «привилегии отсталости», если пользоваться термином Манфреда Хильдермайера⁹⁹. Отсутствие в России третьего сословия и общественной инициативы как таковой воспринималось Уваровым как аксиоматическая данность, исходя из которой государство и должно определять свою политику. Грубо говоря, согласно Уварову, если в России не было третьего сословия, сильных городов и так далее, то это означает, что его не будет и впредь. Привитие России *цивилизации* есть вопрос сознательного конструирования «сверху», подкрепленного всем ходом истории России. Реформа системы просвещения должна заключаться в идеологически корректной, функционально ориентированной унификации и огосударствлении образования в России.

В уваровской картине мира возможность публичной интеллектуальной активности сословий, свойственной *цивилизации* в европейских странах, отсутствовала, что мотивировалось им особенностями русской истории. Инаковость европейского пути как бы заставляла Уварова строже выдерживать «автохтонную» русскую

d'une plus grande extension de connaissances à le danger qui pourrait en résulter un jour, est si éloigné qu'il est soustrait au calcul des probabilités. Ajoutons que ces dangers, s'il en existe, ne sauraient être eludés par aucune mesure préventive, mais qu'il n'est pas impossible de placer dans l'éducation publique des bases solides à l'abri de tout orage, surtout dans un pays où par une exception singulière l'instruction n'a pas échappé toute entière aux mains du gouvernement à où elle peut encore être traitée comme affaire d'état» (Там же. Л. 73—73 об.).

⁹⁸ См.: Gruner S. The Revolution of July 1830 and the Expression «Bourgeoisie» // The Historical Journal. 1968. Vol. 11. № 3. P. 462—471.

⁹⁹ См.: Hildermeier M. Das Privileg der Rückständigkeit: Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neueren russischen Geschichte // Historische Zeitschrift. 1987. Bd. 244. S. 557—603.

линию. Реформы Уварова, в соответствии с замыслом Николая I, были строго сословно ориентированы: социальная и культурная деятельность оставалась в России исключительно дворянским делом, причем жестко контролируемым властью. «Государство» — как это хорошо видно из трудов Уварова — строго отделяло себя от сословий, в частности от дворянства, отделяло прежде всего политически¹⁰⁰. Тезисы Уварова о доминирующей роли государства в истории России привели его к мысли об образовании дворянства и других сословий без наделения их политическими правами. России, в силу «особости» ее исторического «пути», была уготовлена, по мысли Уварова, счастливая участь: культурный расцвет без опасности революционной «заразы», публичное пространство, искусно сконструированное властью с помощью «умственных плотин». Именно такое развитие событий Уваров включал в понятие *цивилизация* в России, которое он рассматривал прежде всего с социальной точки зрения (грубо говоря, как «европейскую цивилизацию без третьего сословия»¹⁰¹). Основным инструментом *цивилизации* (как процесса смягчения нравов и «правильного» идеологического просвещения) становится в николаевское царствование система образования.

Хорошо известно, что, помимо государственного контроля, основной задачей уваровских реформ в сфере образования была унификация системы в соответствии с сословной структурой российского общества¹⁰². Николай I, как и многие другие европейские монархи того времени¹⁰³, считал просвещение всех социальных страт необходимым, но настаивал на его функциональности — каждый человек должен был получать лишь те знания, которые

¹⁰⁰ Подробнее см.: Rogger H. Nationalism and the State: A Russian Dilemma // Comparative Studies in Society and History. 1962. Vol. 4. P. 253—264.

¹⁰¹ Само по себе выражение «европейская цивилизация без третьего сословия» для XVIII — первой половины XIX века во многом следует считать оксюморонам: «европейская цивилизация» — это и есть продукт деятельности третьего сословия. Этим, вероятно, объясняются постоянные сомнения Уварова в трактовке европейской природы России: с одной стороны, он был склонен подчеркивать культурную общность России и Европы, с другой — акцентировать разницу в путях достижения конечной цели — «европейской образованности».

¹⁰² Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 149; Шевченко М.М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 85—86.

¹⁰³ Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров. С. 158—159.

пригодятся ему в дальнейшем. Как справедливо отмечает Цинтия Виттекер, в реальности осуществить строгую сословную регламентацию здесь оказалось невозможным в связи с чрезвычайной подвижностью социальной структуры общества¹⁰⁴. На протяжении всего своего министерства Уваров, распространяя просвещение в России, в целом следовал тем же правилам: необходимости учить все сословия без исключения, максимально стараясь удержать их в их сословных границах. Длительная деятельность Уварова на посту министра народного просвещения оказала существенное влияние на характер российского образования: ему удалось добиться серьезных успехов в повышении культурного уровня большинства сословий русского общества (за исключением крестьян), при том что не предполагалось дальнейшего их наделения более широкими политическими или социальными правами. Показателен пример уездных училищ. Виттекер пишет:

...усиленное внимание к «практическому» обучению в уездных училищах служило двум целям. Это обучение развивало образованность низших слоев общества, обеспечивая им более надежное положение в жизни, а следовательно, могло благотворно сказываться на торговле, промышленности и сельском хозяйстве. Но упор на точные науки в средних учебных заведениях делал большинство уездных училищ тупиком для их выпускников, так как они не были подготовлены к гимназии¹⁰⁵.

Перед нами точная реализация идеологической программы Уварова, как мы находим ее в *De la civilisation en Russie*: воспитание *среднего класса* в России в полной противоположности европейскому социальному опыту — помощь в овладении профессией без образования, достаточного для дальнейшего участия в политической жизни страны. Несмотря на заметно растущую профессионализацию гимназического образования, социальный состав учащихся средних учебных заведений на протяжении николаевского царствования практически не менялся, демонстрируя почти тотальное доминирование дворянства¹⁰⁶.

В 1840-е годы Уваров предостерегал против создания предпосылок для формирования в России третьего сословия. Когда в

¹⁰⁴ Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров. С. 160.

¹⁰⁵ Там же. С. 164.

¹⁰⁶ Там же. С. 169—171.

1846 году образовался Особый комитет для пересмотра «Устава о гражданской службе» (под председательством статс-секретаря Александра Сергеевича Танеева, а затем генерал-адъютанта Николая Николаевича Анненкова), целью которого было новое рассмотрение вопроса об уничтожении чинов в России, то Уваров резко высказался против подобной инициативы. Мотивировал он это именно перспективами возникновения в империи буржуазии:

Таким образом государственная служба вся перейдет в руки так называемых чиновников, составляющих уже у нас многочисленное сословие людей без прошедшего и будущего, имеющих свое особое направление и совершенно похожих на класс пролетариев, единственных в России представителей неизлечимой язвы нынешнего европейского образования. В скором времени этот класс, при уклонении от службы престолу высшего и незрелости низшего, возникнет с непреодолимой силой и тем ознаменуется переход политической деятельности в руки среднего класса, что в прочих европейских государствах называется *tiers etat* или *Bourgeoisie* [так!]¹⁰⁷.

Текст *De la civilisation en Russie*, окончательно сложившийся, по-видимому, к концу 1829 года, демонстрирует несомненную связь идей Уварова с концепцией французской *цивилизации* Ф. Гизо. В 16-й лекции по истории *цивилизации* во Франции Гизо охарактеризовал *третье сословие* как класс, который

...постепенно распространялся, возвышался и сначала значительно изменил, затем превзошел и наконец почти совершенно поглотил все остальные классы. [...] сначала, в продолжение шести веков оно, заодно с королевской властью, неутомимо трудилось над разрушением феодальной аристократии и ставило на ее место единственную центральную власть, чистую монархию, чрезвычайно близкую, по крайней мере по принципу, к монархии неограниченной. Но лишь только *третье сословие* одержало эту победу и произвело эту перемену, как оно стало стремиться к новой: оно нападает на ту же самую единственную, неограниченную власть, которую оно-же и помогло так усердно создать, задается целью обратить чистую монархию в конституционную и достигает этой цели; [...] достиг [...] высоты вследствие постоянного движения и непрерывной работы, укрепился [...] с течением времени, понемногу захватил и поглотил [...] все окружающее: власть, богатство, просвещение, влияние, из-

¹⁰⁷ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 45–46.

менил [...] сущность общества, сущность правительства, и сделался [...] наконец до такой степени преобладающим, чтобы о нем можно было сказать, что он — сама страна¹⁰⁸.

По убедительному предположению Андрея Зорина, появление в *Журнале министерства народного просвещения* лекции Гизо, о которой речь шла выше, было обязано редакторской воле самого Уварова¹⁰⁹. Расщепление французского слова *civilisation* на два понятия — *цивилизация* и *гражданское образование* — было логически связано с меморандумом Уварова *О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения* (1833 год, черновик — март 1832 года). В черновой редакции меморандума Уваров резко критиковал французскую *civilisation*, сомневаясь в том, что она «есть путь к общественному благу»¹¹⁰. Как отмечает Зорин, «терминологическая операция, сделанная в переводе лекции Гизо (“дурная” цивилизация и “хорошее” гражданское образование. — М.В.), оказалась на редкость продуктивной. За словом “цивилизация” закреплялось представление о неприемлемом для России социальном опыте»¹¹¹. Исходя из *De la civilisation en Russie*, можно добавить, что русская *цивилизация* и в смысловом, и в терминологическом смысле (еще раз вспомним ссылку Метлинского на употребление именно слова *цивилизация* в *Журнале министерства народного просвещения*) утверждалась в таком качестве, то есть в России *цивилизация* была все-таки возможна, однако в резко отличающемся от французского смысле. По справедливому мнению Зигмунта Баумана, такой тип *цивилизации* в большей степени сходствовал с немецким *Bildung, образованием*. Однако отличия от немецкого эквивалента *гражданского образования* также весьма существенны: как отмечал Н. Элиас, *третье сословие* в Германии, хотя и лишенное возможности активного политического влияния, развило свою особенную культуру, которая затем стала ассоциироваться с «национальным» немецким характером¹¹², — транспонировать это заключение на ситуацию в России представляется затруднительным. Заимствуя понятие из Европы, Уваров не думал о связи между социальной структурой и понятием,

¹⁰⁸ История цивилизации во Франции Гизо. М., 1880. Т. 3 и 4. С. 6.

¹⁰⁹ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 350.

¹¹⁰ Там же. С. 342–343, 350.

¹¹¹ Там же. С. 349–350.

¹¹² Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 85, 99.

предполагая, что и то и другое возможно создать искусственно, реформами «сверху». Словоупотребление Уварова, действительно, было чрезвычайно удачным: синонимичность *цивилизации* с парой *образованность/образование* прослеживается и до 1830-х годов, однако затем, почти в течение тридцати лет, понятие *цивилизация* употреблялось почти только в сфере литературы, критики, историографии, в рамках текстов, интерпретирующих культурную и духовную активность человека и общества¹¹³. Кроме того, при интерпретации *civilisation* в смысле *образованности/образования* с понятием происходит значимая семантическая трансформация: если термины *цивилизация* и *образованность* обозначают определенный социальный опыт, то *образование* — механизм, позволяющий этот опыт регламентировать. В этом случае административная выгода Уварова кажется несомненной: наделяя культурно-экономическое понятие исключительно *образовательными* смыслами, Уваров ставил народное просвещение в основание государственной политики в целом.

Прямая параллель *цивилизации со средним классом* в сочинении Уварова не кажется тривиальной: о ней почти не писали западно-европейские исследователи этого понятия. Окончательное оформление эта идея приобретает, вероятно, именно в работах Франсуа Гизо, однако уже начиная с самого возникновения слова *civilisation* его нередко использовали в социоэкономическом контексте¹¹⁴. Сами теоретики французского *tiers-état* — например, аббат Эммануэль-Жозеф Сийес и Жан-Поль Рабо Сент-Этьен — понятие *civilisation* не употребляли. Однако именно такая связь прослеживается (в одном случае — прямо, в другом — косвенно) в двух фундаментальных историографических работах, многожды затем оспоренных, но не потерявших своего значения, — *О процессе цивилизации* Норберта Элиаса и *Структурные трансформации публичной сферы* Юргена Хабермаса¹¹⁵.

¹¹³ Схожая картина наблюдается и в критических сочинениях Белинского.

¹¹⁴ *Февр Л.* Цивилизация. С. 243—244; *Роскок J.G.A.* The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975. P. 500—501.

¹¹⁵ О дискуссиях вокруг этих трудов см.: *Goode L.* Jürgen Habermas. Democracy and the Public Sphere. London; Ann Arbor, 2005. P. 34—55; *Roberts J.M., Crossley N.* Introduction // After Habermas. New perspectives on the public sphere. Oxford, 2004. P. 10—17; *Aya R.* Norbert Elias and «The Civilizing Process» // *Theory and Society*. 1978. Vol. 5. P. 219—228.; *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии, 1890—1933. М., 2008; и др.).

Элиас писал, что в Германии противопоставление *цивилизации и культуры*, четко сформулированное Иммануилом Кантом в сочинении *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* (1784), отражало умонастроение формирующейся «немецкой буржуазии». Последняя, будучи отрезанной от политической жизни — привилегии франкоязычной придворной аристократии, находило свою социальную легитимацию в духовной, научной или художественной деятельности, в понятиях *Kultur (культура)* и *Bildung (образование)*¹¹⁶. Импульс к интеллектуальному развитию немецкого третьего сословия объясняется специфической социальной ситуацией: невозможностью для среднего класса повлиять на политику в Пруссии и других германских государствах при растущей экономической силе¹¹⁷.

Во Франции, наоборот, разрыв между придворным обществом и средним классом в течение XVIII века резко сокращался: в итоге первое фактически ассимилировало третье сословие¹¹⁸. Французская буржуазия была богаче и зажиточнее немецкой, уже в XVIII веке она отличалась особой культурной активностью. Кроме того, французское третье сословие имело длительный опыт собственно политической деятельности и участия в государственном управлении. В середине XVIII века в среде французского среднего класса возникает недовольство меркантилистской политикой двора, отразившееся в трудах В.Р. Мирабо-отца. Как отмечал Элиас, одним из выражений идеи реформы (как создания разумной администрации. — *М.В.*) и ясным отображением этой идеи в момент ее возникновения и является понятие *civilisation*, символизировавшее опыт бессилия абсолютистских правительств перед лицом динамики общественного развития¹¹⁹.

В 1770-е годы ощущение необходимости реформ стало более сильным — благодаря растущей коммерциализации и индустриализации Франции и влиянию Американской революции. Элиас связывает внезапное появление слова *цивилизация* в трудах Г.Т.Ф. Рейналя и П.А. Гольбаха (в 1770 году этот термин не употребляется, с 1774 года входит в их лексикон) с назначением в 1774 году на пост главного французского финансиста Тюрго, что ассоциировалось с победой реформаторских сил при дворе. *Циви-*

¹¹⁶ *Элиас Н.* О процессе цивилизации. С. 64—72.

¹¹⁷ Там же. С. 72—74, 84.

¹¹⁸ Там же. С. 75, 92.

¹¹⁹ Там же. С. 92—101.

лизация осознавалась как процесс постоянного стремления к улучшениям — в экономике, а затем и в нравах¹²⁰. Учитывая все сказанное, Элиас делает вывод: французское понятие *civilisation* точно так же отображает особую судьбу французской буржуазии (в том числе и революционную), как понятие *культура* — судьбу буржуазии немецкой. Так же как и в Германии, именно *цивилизация* «придворной буржуазии» затем становится ключевым понятием французского «национального характера»¹²¹.

Хабермас связывал «революционные» изменения в структуре европейского «общественного мнения» (он также употреблял термин *civil society*, близкий понятию *civilization*) с высшей прослойкой буржуазии — активной, экономически влиятельной группой внутри третьего сословия. Хабермас и Элиас соглашались в том, что в Германии политическое влияние третьего сословия было резко ограничено доминирующим влиянием дворянства¹²², однако расходились в оценках ситуации во Франции. Хабермас считал, что до Великой французской революции чрезвычайно трудно говорить о консолидированном присутствии чисто «буржуазных» по социальному составу институций (речь шла как о литературе, так и о политике). По мнению Хабермаса, причина тому — именно в разрыве между буржуазией, с одной стороны, и дворянством с высшей бюрократией — с другой¹²³.

Представления Элиаса и Хабермаса о сущности социокультурных трансформаций при Старом режиме подверглись значительной коррекции. Критиковались, в частности, идеи о решающей роли *третьего сословия* в Великой французской революции, о существовании полностью автономной «буржуазной» публичной сферы, а также «марксистский» субстрат трудов Хабермаса¹²⁴. Кроме того, основные пропагандисты *третьего сословия* во Франции конца

¹²⁰ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 101—106.

¹²¹ Там же. С. 93, 106—107.

¹²² Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied, 1962. S. 86.

¹²³ Ibid. S. 81.

¹²⁴ Подробнее см.: Baker K.M. Politique et opinion publique sous l'Ancien Régime // Annales. Histoire, Sciences sociales. 1987. P. 41—71; Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // The American Historical Review. 2002. Vol. 107. P. 1100—1101; Goodman D. Public Sphere and Private Life: Toward a Synthesis of Current Historiographical Approaches to the Old Regime // History and Theory. 1992. Vol. 31. P. 1—20; Eyerman R., Shipway D. Habermas on Work and Culture // Theory and Society. 1981. Vol. 10. P. 547—566; Шарте П. Культурные истоки французской революции. М., 2001; и мн. др.

XVIII века в социальном смысле к нему не принадлежали, говорили не *от имени* среднего класса, а, скорее, обращались к нему *извне* (наиболее показателен здесь пример аббата Сийеса)¹²⁵. Существенное различие между концепциями Элиаса и Хабермаса, с одной стороны, и мифологемой, обосновывавшейся в трудах Гизо и Уварова, с другой, состоит в социальном составе буржуазии и третьего сословия¹²⁶. Элиас под «буржуазией» подразумевал среднее сословие интеллигенции (бюргерство, чиновники, мелкое дворянство) в Германии и более экономически ориентированные городские страты во Франции¹²⁷, Хабермас — только тех, кто обладал достаточным уровнем образования для потребления печатной продукции — богатых городских коммерсантов и финансистов, промышленников и владельцев мануфактур, а также юристов, медиков, профессоров, ученых, представителей церкви и так далее¹²⁸. Рабо Сент-Этьен, Сийес, Гизо и Уваров определяли *третье сословие* шире, противопоставляя «производящую» и «репрезентативную» функции социальных групп. Так, Сийес (в *Qu'est ce que le Tiers état? — Что такое третье сословие?*, 1789) считал третьим сословием земледельцев, промышленников, коммерсантов и тех, кто производит товары личного потребления — как материальные, так и интеллектуальные¹²⁹, и заключал:

Le Tiers embrasse donc tout ce qui appartient à la nation; et tout ce qui n'est pas le Tiers ne peut pas se regarder étant de la nation. Qu'est ce que le Tiers? TOUT. (Третье сословие обнимает собой, следовательно, все то, что принадлежит нации; все, что не относится к третьему сословию, не может рассматривать себя как нацию. Что такое третье сословие? ВСЕ)¹³⁰.

О проникновении третьего сословия в дворянство во Франции второй половины XVIII века см., например: Blacker J.G.C. Social Ambitions of the Bourgeoisie in 18th Century France, and their Relation to Family Limitation // Population Studies. 1957. Vol. 11. P. 46—63.

¹²⁵ О памфлете Сийеса *Что такое третье сословие?*, в том числе в контексте исторического генезиса понятия *bourgeoisie* во Франции XVIII века, см., например: Benrekassa G. Crise de l'Ancien Régime, crise des idéologies: une année dans la vie de Sieyès // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1989. № 1. P. 25—46.

¹²⁶ О разнице между этими двумя понятиями см.: Oeuvres de Augustin Thierry. Vol. IX: Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du tiers état. Paris, 1867. P. 2—3.

¹²⁷ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 64—72.

¹²⁸ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. S. 35, 84?86.

¹²⁹ Sieyès E.J. Qu'est ce que le Tiers état? Paris, 2002. P. 2—3.

¹³⁰ Ibid. P. 4.

Рабо Сент-Этьен также говорил о *нации*:

...le tiers-état composé de vingt millions de citoyens, à qui, par conséquent, compose presque toute la nation [...] C'est la nation, moins la noblesse à la clergé (...третье сословие, составленное из двадцати миллионов граждан, и которое отсюда составляет почти всю нацию [...]) Это нация, минус дворянство и клир)¹³¹.

Схожее описание *третьего сословия* находим и в финале *Истории цивилизации во Франции* Гизо¹³². Таким образом (об этом писал и Элиас), концепт *третьего сословия* связывался современниками Уварова с процессом национального строительства во Франции в конце XVIII века. Согласно этой логике, понятие *третье сословие* получает дополнительную семантическую нагрузку во время Французской революции, хотя и имеет длительную и многовековую историю¹³³. Как показывают труды Гизо и его последователя Уварова, *третье сословие* связывается с *цивилизацией* именно в последней фазе его исторического развития, в свете революционных событий во Франции. При этом вопрос о социальной основе *цивилизации* оказывается для Уварова, предлагавшего Николаю I цельный взгляд на происходящее в России, неразрывно связанным и с механизмами построения в России теории народности или национальности.

Специфика российской интерпретации понятия *цивилизация* связана с определенными затруднениями при переводе термина на язык социальной реальности, которая могла бы за ним стоять. Основная проблема, как кажется, состояла в том, что в России отсутствовало в европейском смысле развитое *третье сословие*, «настоящий буржуазный класс формировался очень трудно и медленно, был очень слабым»¹³⁴. Вопрос о создании «среднего рода людей»

¹³¹ Rabaut de Saint-Etienne. Considérations sur les intérêts du Tiers-état. 2-de ed. [S.l.], 1788. P. 7, 29.

¹³² См. выше. О категориальном аппарате, использовавшемся для описания социальных групп во Франции второй половины XVIII века, подробнее см.: Cloutre D.L. The Concept of Class in French Culture Prior to the Revolution // Journal of the History of Ideas. 1984. Vol. 45. P. 219—244.

¹³³ Подробнее см.: Lucas C. Nobles, Bourgeois and the Origins of the French Revolution // Past and Present. 1973. Vol. 60. P. 84—126; Tackett T. Nobles and Third Estate in the Revolutionary Dynamic of the National Assembly, 1789—1790 // The American Historical Review. 1989. Vol. 94. P. 271—301; и др.

¹³⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского обще-

возник в царствование Екатерины II¹³⁵, в период активной социальной стратификации «сверху». При этом почти сразу стало понятно, что реализовать программу экономической и социальной мобилизации городского населения будет чрезвычайно сложно, если не невозможно. Причинами тому были, во-первых, крайняя малочисленность самих городских жителей, во-вторых, тотальная ориентация экономики на крепостной труд (эта точка зрения восходит к 14-й главе XXII книги *О духе законов* Шарля-Луи Монтескье, 1748), наконец, в-третьих, «торги и промыслы не были основным занятием городского населения, а его социальный состав отличался большим разнообразием»¹³⁶. Концепция *среднего сословия*, изложенная Екатериной в *Наказе* и в дальнейшем законодательстве, была близка прусской модели организации общества, которая предусматривала «государственные сословия» с ярко выраженными фискальными функциями, а не «независимые корпорации, способные участвовать в управлении государством», как в Англии или во Франции¹³⁷. Номинально *среднее сословие* существовало и в целом соотносилось с *мещанством*, однако оно обладало иными характеристиками, нежели в Западной Европе¹³⁸. В итоге, как отмечает автор специальной работы о *гражданском обществе* в России второй половины XIX века Люц Хэфнер, «для поздней имперского периода в России степень развития гражданского общества должна оцениваться как незначительная. [...] гражданское общество не было принято большинством населения в качестве интегрирующей

ства и правового государства: В 2 т. СПб, 2003. Т. 1. С. 113; подробнее см.: Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Rußland, 1760—1870. Köln; Wien, 1986; Jones R.-E. Provincial Development in Russia. Catherine II and Jacob Sievers. New Brunswick (N.J.), 1984. P. 99—108).

¹³⁵ О дебатах о *третьем сословии* в России («среднем роде людей») см.: Griffiths D.M. Eighteenth Century Perception of Backwardness: Projects for the Creation of a Third Estate in Catherinian Russia // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. P. 452—472; См. также статью Ингрид Ширле в этом сборнике.

¹³⁶ Лавринович М.Б. Социально-политическая программа Екатерины II: «Третье сословие» как утопия русской истории // Философский век. Альманах. Вып. 12: Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. СПб., 2000. С. 65.

¹³⁷ Там же. С. 73.

¹³⁸ Интересную попытку обнаружить и описать *третье сословие* в России начала XIX века см.: Martin A.M. Precarious Existences: Middling Households in Moscow and the Fire of 1812 // Siefert M. (Ed.) Extending the Borders of Russian History: Essays in Honor of A.J. Rieber. Budapest, 2003. P. 67—81.

силы и в России не утвердились общеевропейские образцы гражданских структур»¹³⁹.

***

История русского понятия *цивилизация* в первой половине XIX века отчетливо показывает, что оно входит в широкое (прежде всего, в экономическом языке) употребление именно в тот момент, когда социальная структура населения начинает претерпевать радикальные изменения¹⁴⁰, то есть тогда, когда в России теоретически могло сформироваться то самое *третье сословие*, с которым были связаны понятия *civilization/civilization/Zivilisation*. Именно в 1859—1860 годах, накануне отмены крепостного состояния, в России возникают значимые гражданские инициативы. Первенство здесь принадлежало именно обществам, причастным к экономическому и географическому освоению России: Вольному экономическому обществу и Императорскому Географическому обществу, а также Московскому обществу сельского хозяйства, обществам железных дорог, парходства и городского хозяйства¹⁴¹.

Как мы показали на материале экономической прессы, понятие *цивилизация* распространяется в России не *после* начала реформ, а непосредственно *перед* ними. Кроме того, именно в 1860 году выходит в свет первый перевод на русский язык *Истории цивилизации в Европе* Гизо, а в 1861 году — его же *Истории цивилизации во Франции*¹⁴². Характерно, что переводчиками Гизо ста-

¹³⁹ Хэфнер Л. Civil Society, Værgertum и «местное общество»: В поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в поздней имперской России // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 195—196. Об основаниях подобного вывода см.: Там же. О структуре русской «публичной сферы» см. также: Bradley J. Subjects into Citizens.

¹⁴⁰ О механизмах этой трансформации см., например: Долбилов М.Д. Земельная собственность и освобождение крестьян // Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 45—153.

¹⁴¹ См., например: Кимбэлл Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ. 1859—1863 // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992. С. 263; и др.

¹⁴² Связь между экономическим развитием и уровнем просвещения отчетливо осознавалась современниками Великих реформ. См., например: «Эта-же статистика городов, с другой стороны, указывает и на значение самого населения в них; она показывает, как, под влиянием развития торговых дел и приобретения городом характера промышленной и коммерческой местности развивается в нем более производительное население, усиливается число торговых лиц, увеличивается количество капиталов, завязанных в торговлю, то вследствие всех этих благоприятных для городского благосостояния обстоятельств,

ли внук сельского священника Константин Константинович Арсеньев и сын врача Михаил Матвеевич Стасюлевич, специалисты по европейской истории, университетские люди и журналисты, то есть представители именно тех профессий, которые отождествлялись в Европе с понятием *цивилизация*. Стасюлевич видел и слышал выступления Гизо в Париже в 1857 году. Впоследствии, в 1859—1860 годах, в своих лекциях по всеобщей истории в Петербургском университете, которые, кстати, посещал Арсеньев¹⁴³, Стасюлевич развивал тезис об общности исторического пути России и Европы. Отзывы о его лекциях подчеркнута связывают их тематику с понятием *цивилизация*: «Стасюлевич впервые указал нам на значение истории, объяснил великое значение цивилизации» (Алексей Николаевич Острогорский); Стасюлевич стремился «изображать цивилизованного европейца» (Александр Михайлович Скабичевский)¹⁴⁴. Логика понятия диктовала изменение политической структуры *следом* за реформами социальными и экономическими, как это случилось в европейских странах. Не случайно тот же К.К. Арсеньев отмечал разительные параллели между лекциями Стасюлевича о Франции и современной ему Россией:

И в своих университетских курсах, и в публичных лекциях он старался касаться предметов, которые возбуждали бы не одну лишь любознательность. Студентам он читал о первых веках христианства; публичные лекции он посвящал [...] французскому провинциальному управлению при Людовике XIV-м, дававшему повод для параллелей с русской до-реформенной администрацией...¹⁴⁵

город получает истинный характер торгового и промышленного центра, а от этого в свою очередь зависит и развитие его в умственном и нравственном отношениях, выражающееся в числе училищ, церквей и других учреждений, способствующих всестороннему развитию его населения, которое, при пособии всех этих способов просвещения, выходит уже из среды патриархального и малоразвитого класса и вступает в число более образованных, просвещенных и следовательно производительных классов народа» (Д.М. Рец. на: Исследование о торговле на Украинских ярмарках, соч. Ив. Аксакова. СПб., 1858. Статья вторая // ЖМНП. 1859. № 2. Новые книги. С. 64).

¹⁴³ Шлемин П.И. Дневник К.К. Арсеньева // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 314.

¹⁴⁴ См.: Кельнер В.Е. Человек своего времени (М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993. С. 17.

¹⁴⁵ Арсеньев К.К. Михаил Матвеевич Стасюлевич // М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т. 1. С. 1—2.

Общественное ожидание радикальных изменений социальной и экономической структуры способствовало реанимации понятия *цивилизация*, однако достаточно скоро идея *третьего сословия* как основного элемента цивилизационного механизма, так и оставшись нереализованной, уступила место национальным и панэтническим трактовкам обсуждаемого термина.

Ольга Борисовна Леонтьева

Понятие *класс* в российской мысли XIX — начала XX века

Историография проблемы

Вопрос о том, в каких категориях описывали структуру своего общества российские мыслители XIX — начала XX века, в 1980-х годах подняли американские русисты на волне академического интереса так называемого «поколения детей» к социальной истории России¹.

В 1986 году в журнале «American Historical Review» была опубликована статья Грегори Фриза, посвященная происхождению и значению понятия *сословие*; параллельно Фриз обращался к истории нескольких других ключевых понятий российской социальной мысли: *состояние*, *звание* и, конечно, *класс*. Как доказывал в этой работе Фриз, термин *класс* появился в России примерно к 1801 году и в течение большей части XIX века использовался либо в нейтральном значении *категория*, либо как синоним понятий *звание*, *чин*, *стан*, *род жителей*, *чиносостояние*. Классовая терминология, продолжает Фриз, смогла завоевать прочные позиции лишь в пореформенную эпоху, особенно после появления в России марксизма. Тем не менее даже в начале XX века, «хотя некоторые новые группы (например, рабочие) действительно тяготели к обретению “классовой” идентичности [...] бóльшая часть общества продолжала мыслить в категориях дореформенной сословной системы»².

Статья Фриза открыла дискуссию об употреблении понятия *класс* и о формировании классовой идентичности в российской мысли XIX — начала XX века; эта дискуссия развернулась в конце 1980-х годов на страницах журнала «Slavic Review», а затем про-

¹ См.: Дэвид-Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России / М. Дэвид-Фокс (сост.) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 5—47, особенно С. 11—14, 27—30.

² Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Там же. С. 162.